

Александр Конторович
Нина Демидова

ВЕДЬМА

Александр Конторович

Ведьма

«Автор»

2022

Конторович А. С.

Ведьма / А. С. Конторович — «Автор», 2022

Магия... Палочка-выручалочка, к которой ты привыкаешь с рождения. То, что дает тебе власть над людьми и предметами, выручает в трудной ситуации и облегчает жизнь. Привычное и повседневное ощущение... Каково это – внезапно стать таким же, как и большинство окружающих тебя людей – ничем подобным не владеющими? Превратиться в того, кого в твоём, привычном, мире называют изгоями? Но – теперь ты будешь с этим жить. Ибо никакого иного выхода больше нет. Привыкай – теперь это твой мир...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Конторович, Нина Демидова

Ведьма

Глава 1

– Она без сознания, матушка. Ссадины на голове, большая рана на ноге и много мелких повреждений повсюду на теле, должно быть, от падения.

– Хорошо, сестра Анна, обработай ее раны. А я помогу другим сестрам.

– Да, матушка. А что делать с собакой? Она не отходит от женщины ни на шаг. Ну сами понимаете... животное... в трапезной...

– Она же никому не мешает? Ну, так и оставь ее в покое, займись ранеными.

Дана слышала голоса сквозь туман, в котором пребывало ее сознание. Голова гудела, в висках пульсировала боль. А еще нестерпимо горела левая нога ниже колена и весь левый бок. Похоже, она сломала ребра. А что же произошло?

Она попробовала сконцентрироваться и вспомнить, но от этого стало только хуже – к горлу подкатила тошнота, звон в ушах усилился.

«Так, пока оставим все, как есть, вспоминать буду потом».

Она вслушалась в ощущения. Похоже, она лежала на кровати, а вокруг перемещались какие-то люди – их голоса доносились до Даны сквозь шум в голове.

Её руки коснулось горячее и мокрое. Шершавый язык бережно лизнул внутреннюю сторону ладони, а затем туда же ткнулся холодный нос.

«Край со мной! Он жив! Я не одна тут!»

Кстати, а где – тут? Не мешало бы оглядеться и оценить обстановку, но Дана почему-то ничего не видела. Хотя, для этого сначала надо попробовать открыть глаза. Итак, на счет три открываем левый глаз. А дальше – как дело пойдет. Раз, два...

«Опа... а что это такое?» – через узкую щелку еле приоткрытых век она увидела нескольких женщин в рясах (несколько непривычных, но распознаваемых). Монашки суетились вокруг столов, на которых лежали люди. Сама комната была большой и на удивление светлой, в тех монастырях, что Дана помнила, внутри всегда было сумрачно. А тут прямо с потолка лил такой яркий и ровный свет, что при попытке посмотреть туда глаз немедленно пришлось прикрыть, потому что по нему резануло такой острой болью, что Дана опять чуть не потеряла сознание.

«Что это такое? Магия? Такая устойчивая? Как странно, я никогда раньше этого не видела. Ладно, не суть, главное – не смотреть на источник в упор, чтобы в глазах потом не плавали круги. Надо попробовать еще раз».

Она опять приоткрыла глаз и стала наблюдать за немолодой монахиней, которая склонилась над Даной, пытаясь определить ее состояние. Оружия при незнакомке не было, принадлежность к ордену сходу не определить, но Дана никогда и не была сильна в религиозных вопросах. В отличие от магии.

Но, главное – похоже, она в безопасности.

«Вряд ли Кнут здесь, я не чувствую присутствия чужой магии. Да и вообще никакой! Очень странно...»

– Где я?

Дана ожидала услышать свой родной голос, но... не то, чтобы её голос был необыкновенно красив или невыразимо благозвучен, но тот хилый шепот, что вырвался из ее горла, испугал не только монашку, но и саму раненую.

– Ой! – женщина в испуге замахала руками перед лицом, творя какие-то непонятные знаки.

Дана напряглась, ожидая всплеска магии. Но ничего не произошло.

«Что она делала? Что это за пассы правой рукой?»

– Матушка! Матушка! Раненая в себя пришла! – позвала монахиня кого-то на стороне. – Ты, милая, лежи, не двигайся, – эти слова были обращены уже к Дане, – в аварию ты попала на дороге. Мы тебя, почитай, с того света достали, спасибо собаке твоей – в кустах тебя нашли, так далеко ты отлетела. Если бы не собака твоя – ты бы там Богу душу и отдала!

Дана скосила глаз (у нее все еще был открыт только один) и увидела знакомую лохматую голову. Край сидел на полу рядом со столом, на который ее положили, и с надеждой глядел на свою хозяйку. Встретившись с ней взглядом, пес заскулил и начал вилять хвостом.

– Спасибо тебе, Край, – прошептала девушка и попробовала улыбнуться уголками губ.

Лицо не послушалось – то ли у нее не было сил, то ли на нем было столько грязи или засохшей крови, что оно окаменело.

– Слава Богу, вы в сознании! – воскликнула подбежавшая к столу матушка. – Как вы себя чувствуете? Что у вас болит?

– Пить, – попросила Дана, открывая второй глаз.

«Тянем время».

Пока ей несли воду, она попыталась синхронизировать глаза, чтобы они показывали мозгу одно и то же. Звучало смешно, но было крайне неудобно – изображения не сходились, усиливая головокружение и тошноту.

Дана начала глубоко и медленно дышать, закрыла глаза и ушла в себя – послушать маленькую искорку тепла, пульсирующую на границе груди с животом. Искорка от потока внимания начала разгораться в маленький горячий комок энергии. Он разгорелся ярко и четко, и начал раскручиваться и расширяться, проникая во все части израненного тела – горячая энергия потекла в руки, спустилась в живот, и дальше – к ногам. Лишь в голову пока не дошло, и она осталась холодной. И больной.

«Что со мной? Новая магия? Откуда? Хотя... что-то похожее было, когда я попала под руку Хлуду Косе».

Монахини помогли приподняться, дали воды. Вода была странная, как будто ее долго-долго кипятили.

Сидеть было проще, чем лежать – голова меньше кружилась. И через минутку глаза, наконец, синхронизировались. Тошнота сразу стала проходить.

Она окинула помещение цельным взглядом. Все было чужим и необычным. Высокие белые своды на потолке еще можно было отнести к обычному монастырю. Но кто со скорбными лицами нарисован на стенах? Откуда такое призрачно-прозрачное стекло в окнах? Мебель – необычная. Инструменты в руках у сестёр – какие-то совсем непонятные ... И на пострадавших, которые на столах – одежда невиданная. Что происходит?

– Спасибо, – хрипло поблагодарила Дана. – Где я?

– В женском монастыре, милая. Мы первыми оказались на месте аварии, а сейчас вызвали помощь из района, за вами прилетят вертолеты МЧС, заберут в госпиталь.

«Непонятно... Но в подробности пока вдаваться не рискну. И в госпиталь...»

– Меня не надо в госпиталь, – твердо сказала она. – Я уже почти в порядке. У меня почти ничего не болит.

– Как не надо? А это? – монахиня махнула рукой вниз.

Дана опустила взгляд. Левая нога ниже колена была в крови, подол юбки тоже весь пропитался кровью. И на столе подсыхала небольшая багровая лужица.

– Это пройдет, я себя уже лучше чувствую, правда, – она посмотрела на монахинь. – Скажите, а далеко ли столица? Мне надо...

«...предупредить короля», – чуть было не сорвалось с языка, но она решила сначала выяснить, где она вообще.

– Так. Значит, до Горно – Алтайска километров триста, или ты про Барнаул?

Она прикрыла глаза – вопрос совпал с моментом, когда Дана вроде как приспособилась управлять внутренним теплом, и послала его вверх. Плечи и шея перегрелись, но тепло, наконец, зашло в голову. Боль не ушла, но стала терпимой, и совсем пропала тошнота. Внутри стало явно лучше. Снаружи – всё больше непонятней. Она сверилась с памятью, и убедилась, про такие города там не было. И «километров» – тоже... То есть...

– А... Этерна, – Дана нервно сглотнула, – далеко?

Она уже понимала, что спрашивать – тупо. Уже было понятно, что она выпала из одного мира и попала – в другой. Но не спросить она не могла. Пока что – не могла убить в себе надежду, что прошлая жизнь вернётся. Просто не было сил принять, что туман навсегда отсек её от Лекса, мастера Симса, своего славного помощника Ларса, мурчания ласковых вуров. Что вообще весь ее мир для неё – исчез. Насовсем. Навсегда. Необратимо.

Глаза стало нестерпимо жечь, уже привычно все расплылось, но на этот раз разбитая голова была ни при чем, защипало в носу. Но до слез дело не дошло – волной накатил ужас.

«Что с Лексом!? Не узнать. Никогда. А ведь он пришел на помощь! И приказал шагнуть в туман. Это – спасло её, а Лекс остался один на один с Кнутом... прикрывать отход...»

От острой боли в сердце она прикрыла глаза, по щеке, смывая грязь, пепел и кровь, покатились светлая дорожка.

– Вы про поселок староверов? Так он по – другому называется, – голос монахини выдернул из мыслей, – А вас как зовут? Вы свое имя помните?

«Надо взять себя в руки... и ответить... правду?»

– Да, меня зовут... Дана.

– Ну, и славно! Сестра Анна, помогите Дане, и отправляйтесь к другим, если тут ваша помощь больше не нужна, – распорядилась матушка. – Боюсь, один из раненых не доживет, уж больно плох. Все в руках Господа!

Матушка погладила Дану по голове, окатив теплом руки, вздохнула, сделала тот же знак правой рукой и поспешила в другую часть зала.

Дана проводила её растерянным взглядом, и перевела его на сестру Анну, которая ковырялась в коробе под столом.

– Вы идите, сестра Анна. Мне уже лучше, не беспокойтесь. Я сама себя перевяжу, вы только дайте мне необходимое.

Монахиня коротко кивнула, вынула из короба несколько ослепительно-белых мотков ткани, бутылочку с бесцветной жидкостью, пергаментные пакетики с какими-то порошками.

– Это на рану высыпь все – от воспаления поможет, – сказала Анна, подхватила короб и пошла к другому столу с раненым.

Дана согнулась, чтобы осмотреть свою ногу... И вместе с лёгкой болью от раны, её резко прострелило паникой, что меча – нет. Удар паники был внезапным, резким, как удар в поддых. Её реально стало тяжело дышать от ощущения абсолютной незащитности и одиночества, от разрыва последней ниточки, связывающей с прошлой жизнью.

«Надо вспомнить, что случилось, когда я шагнула в туман! Тогда, может, я смогу найти свой меч. Еще не все потеряно! Но... тогда мне нельзя отсюда никуда уезжать, ни в какой госпиталь. Что монахиня говорила? Кто-то должен за ними... Кто все эти люди на столах?... Кто-то должен приехать или даже... прилететь!? Как – прилететь? Ездовые птицы? Маги, сломавшие тягу земли – по двое на носилки? Да бред. Как она сказала... «прилетят вертолёты эмчеэс»? Так... допустим, это как «прискачут рыцари короля»... или «прилетят стрелы атамана»... кто такой «эмчеэс»?.. потом... «вертолёт». Вертеть-летать... воздушники, закручивающие вихрь и летающие на нём?... сложно...»

Мысли лихорадочно скакали у Даны в голове, пока она перевязывала ногу, краем сознания оценивая раны.

Рана на ноге была неопасной, но большой – на внешней стороне икры была полностью содрана кожа, кое-где – с мясом. Ребра болели, дышать было тяжело, но боль не такая острая, как при переломе. Как при переломе, Дана помнила. Мелкие царапины, она не считала – само заживёт.

«В общем, с таким не умирают. И искусство врачевания, похоже, в этих местах на должном уровне – бинты-то белоснежные, будто не стиранные не разу. Грязь вокруг раны от жидкости из склянки вспенилась и сама сошла. Особенно засохшая кровь, которую так-то намучаешься, пока размочишь, особенно холодной водой. Надо такое себе в аптечку».

Помедлив в предчувствиях, Дана всё-таки собралась с духом и сыпанула на рану порошком из пергаментных пакетиков. Чуть зашипало и только. Она вздохнула и начала бинтоваться.

Закончив, легла и попробовала направить гуляющее по телу тепло от головы к ноге. От рук и груди жар отхлынул неохотно, не сразу. Но всё-таки потёк в ногу.

– Вот деточка, переоденься, – Дана открыла глаза и увидел у стола пожилую монахиню с рясой в руках, – Твое платье совсем изодрано и все в крови. У нас только такая одежда. Мирской нет, но это лучше, чем твои лохмотья. Тебе помочь?

– Не надо, сестра, я сама. Спасибо.

Дана сделала глубокий вдох-выдох и начала вставать...

Монахиня с удивлением провожала взглядом шатающуюся женщину с множеством ран, только что пришедшую в себя после страшной аварии, но уже сумевшую сесть, перевязать себя, самостоятельно встать, спросить, где укромно и пойти переодеваться. Следом за женщиной, прихрамывая, брела большая лохматая собака.

«Сильная. И стыд не растеряла», – подумала монахиня, перекрестила их вослед и вернулась к своим делам.

Простая темная рубашка оказалась впору. Широкая длинная юбка (с удивительным растягивающимся поясом!) на вкус Даны была коротковата. Но ходить в окровавленных драных лохмотьях было нельзя, тут монахиня была права.

Дана осторожно выглянула из своего укрытия, скорее всего – кухни, так тут стояло много разного вида посуды. Выглянула – посмотреть на монахиню и понять, куда девать непонятный пока темный треугольный кусок тонкой ткани.

«Наверное, на голову. Вон у двух молоденьких девчонок такие есть. Правда одежда у меня, не длинные черные балахоны, а юбка с кофтой, но... да. Тут никого с волосами навывпуск. Лучше не выделяться. Но как это правильно намотать? И как это мне можно наматывать? Вдруг это символ какой, как корона... про который все знают, – как...»

Дана высунулась из-за угла, подождала полминутки и позвала:

– Сестра Анна!

Монахиня поспешила с тревожным лицом.

– Все в порядке, не волнуйтесь! Помогите мне, – Дана встряхнула треугольником, – а то пальцы пока что-то не очень слушаются.

– Тебе необязательно платок носить, ты же не послушница, – терпеливо пояснила сестра Анна.

– Но я хочу, как у вас! – попросила Дана, посмотрев собеседнице в глаза. – Я без этого... так будет неправильно.

Анна на мгновение задумалась, протянула с сомнением:

– Уж больно отважная ты, девочка. Похоже, из местных... Послушай, ты из Семеновых? Обрядница?

На всякий случай, Дана кивнула. Похоже, это обстоятельство многое монахине объяснит. Потом, в крайнем случае, можно извиниться.

– Что же ты, милая, нам сразу не сказала? С тебя же и спрос другой! Ох, слава Богу, теперь мне все понятно! На вот, полотенчику тебе, лицо хоть немного вытри, а то одни глаза только и видны!

Сестра Анна тряхнула тканью, расправляя ее, накинула платок Дане голову и быстро завязала его, но на другой манер, не как у послушниц – обернула вокруг шеи и низко спустила на лоб.

– Отсюда не отходи, милая, – наставила Дану монахиня, – как суета закончится, мы к матушке пойдем. И врачам тебя, все равно, показать бы надо, – сестра Анна посмотрела на девушку, впрочем, без всякой надежды, – но ты ведь не пойдешь?

Дана покачала головой.

– Ну, как знаешь. Мне идти надо, у нас один пострадавший умирает – не дождется он, по всему видать, помощи. Матушка велела побыть у него. Смотри, не уходи отсюда никуда, хорошо?

Договаривала Анна уже на ходу – спешила к дальнему углу зала, где у окна на столе лежал мужчина. Вокруг все было забрызгано кровью, суетились люди.

Дана постояла полминутки, прислушиваясь к себе. Особенно – к глазам. А потом тихо выскользнула из кухни и пошла в зал. Во всеобщей суматохе, стогах раненых и переговорах монахинь никто не обратил внимания на еще одну женщину, чей взгляд скользил по раненым.

Мужчина средних лет в странной одежде с разорванной штаниной. Забинтована голова, сломанная рука висела тряпкой вдоль тела и была неестественно вывернута. Две послушницы хлопчут – срезали штанину, перевязывая кровавую рану на бедре. Сердце человека – сильное, источник жизни все еще яркий.

«Этот выживет, хоть и страдает от боли. А этот уже отключился, что хорошо. У него полно переломов, и быть без сознания – лучше. Выживет, если убавить боль, пока он не придет в себя. Надеюсь, монахини знают какой-нибудь способ».

Еще два крупных мужчины были целехоньки, не считая мелких царापин. Но по пустым глазам и обмякшим лицам было видно, что они в шоке.

Она дошла до стола у окна, и встала поодаль в ногах – с другой стороны раненого загоразивали две широких спины.

– Петрович, ты это, ты держись! – бормотал один из здоровяков, склонившись над умирающим. – Ты чего это удумал, а? Ну, куда же мы без тебя, Петрович?

«А вот тут дело плохо. Внутреннее кровотечение, ребра переломаны, разбита голова. Если не умрет от потери крови, то от боли – точно».

Внутренняя энергия почти погасла в теле еще недавно сильного и здорового человека. В животе еле-еле теплился слабенькая искорка, готовая в любой момент вспыхнуть последний раз и погаснуть. А остальное тело уже потихоньку холодело от потери крови и жизненной силы».

Мужик вдруг открыл глаза и осмысленно посмотрел вокруг себя. Слабая гримаса, напоминающая улыбку, скривила его лицо.

– Петрович! – обрадовался мужик. – Держись! Леха, Колдун глаза открыл, ему лучше! – крикнул здоровяк третьему приятелю, сидевшему на стуле в изголовье.

Тот немедленно подскочил и посмотрел на умирающего с надеждой.

«Ошибаетесь, ребята!»

Дана подумала, и пошла к столу. Леха, как почувял, мгновенно перетёк, загоразивая проход. И замер, давя тяжелым недобрый взглядом. Друг? Соратник? Охранник? Вот и второй подоспел. явно видно, что напарники...

– Пропусти, – жёстко произнесла Дана. – Я хочу помочь.

Стена из костей и мышц не шелохнулась. Леха прошёлся по ней взглядом, прошипел яростно-отчаянно:

– Да чем ты можешь помочь?! Ты – кто?! Монашки сказали, что он... что ему...

– Как хочешь, – Дана не стала дослушивать истерику, Развернулась в сторону кухни, бросила через плечё с первым шагом: – Считай, что потерял работу.

– погоди! – Леха догнал, схватил за плечо.

Плечо, ушибленное и в царапинах, припекало от внутреннего огня. Но когда бугай в него вцепился, оно вспыхнуло болью. Она стиснула зубы, зажимая в себе ругань. И посмотрела на руку, затем в глаза Лёхи. Он резко отдернул руку.

– Я не то хотел сказать, – он нервно облизывал губы, – я хотел... Короче – помоги, если можешь. Ну, хотя бы попробуй! Колдун – он, понимаешь, он такой мужик! Он такой...

– Отойди.

Леха, непонятно для себя почему, заробел перед какой-то монашкой. Уж больно уверенно себя она вела – как будто все тут у нее в подчинении. Он отшагнул, давая пройти к Колдуну. Дернулся шугнуть следом, и сам себя дернул обратно, чтобы не мешать какой-то девчонке в старушечьем платке по брови лечить босса.

Дана положила руку на живот умирающему. Закрыла глаза и сосредоточилась на ощущениях. Мельком отметила, что с закрытыми глазами она продолжала видеть. И даже смутно видела на десяток шагов за стеной. Только картинка стала туманной и черно-оранжевой. Изменились и звуки, став чище и резче. Обострилось обоняние – нос наполнился новыми запахами, и усилились уже знакомые. Пяток секунд она просто привыкала к новым ощущениям, а потом вернулась к раненому.

«Надо закрыть рану, из которой внутрь живота течёт кровь... Интересно, если просто влить своей жизни – поможет? И если да, то как бы самой не того... Ведь тоже... на силе воли двигаюсь. Ах, была не была, надо попробовать! Надеюсь, потеряюсь и упаду раньше, чем отдам последнее...»

Через десять минут Колдун продолжал жить. И искорка, разгоревшаяся в животе, потянулась теплом и затянула что-то, откуда лилась кровь. Дана переместила руку на голову – убрать боль, чтобы он пришёл в сознание и помогал бороться за свою жизнь. Источник его жизни все еще оставался крохотным, но уже не грозился погаснуть в любой момент.

«Сейчас уйдет боль».

– Посмотри на меня, – Дана обратилась к своему пациенту, – открой глаза.

За ее спиной сгрудились монахини, те, кто был свободен от помощи раненым. Они что-то синхронно шептали, но это не мешало Дана в ее целительском эксперименте.

– Как его имя?

– Александр Петрович... Александр! – торопливо ответил Леха.

Знакомые сочетания букв ранили прямо в самое сердце. Александр... Лекс...

Чувство горечи сбило было концентрацию, но человек на столе застонал – и Дана выскользнула из воспоминаний.

– Александр, открой глаза, – твердо попросила она, – ты меня слышишь, я это знаю. Сейчас уйдет боль, я обещаю.

Веки раненого дрогнули и медленно поползли вверх. Затуманенные болью глаза остановились на лице девушки. Сморгнули. Прояснились, отгоняя боль от разума.

– Ты, это... ты как это делаешь-то? – забубнил под боком второй охранник. – Леха, ты смотри, он же живой! Петрович, ты это... ты молодец!

Дана улыбнулась уголками губ.

«Я помогу этому Александру здесь, а тому... пусть помогут, где он ни был, тот, кто в силах это сделать!»

Она закрыла глаза, нашла его искорку и начала подливать своей силы и потихоньку раскручивать вихрь.

Через час в зал начали вбегать люди в странной белой одежде. Первые сразу же ринулись к столу с пациентом Даны. Должно быть, среди раненых он был самым важным.

Клубок жизненной энергии в груди Колдуна уже заметно увеличился в объеме и теперь медленно, но уверенно вращался. Ещё не заращивая, но уже удерживая в живых.

Дана, почуяв настрой этих людей в белом, отпустила пациента и отшагнула. Без её поддержки, всё могло откатиться, но эти пришедшие должно быть, знали, что делать. А ей самой сейчас лучше всего затеряться в толпе. Хотя, сестра Анна согласилась с тем, что ни в какой госпиталь девушка не поедет... и не полетит, тем более.

Суэта вокруг раненых стремительно нарастала – их укладывали на носилки и выносили на улицу. Дана, чтобы не мешать, вышла и встала у стенки. Глядя на большую хвостатую карету с окном впереди, рокочущую и шуршащую положенной на бок ветряной мельницей на крыше. Только лопасти были не тряпичные, а будто из длинных двуручных мечей... подходить близко Дана сразу расхотелось.

Когда Колдуна проносили мимо, он слабо шевельнул рукой. Но этот жест немедленно заметил ближайший к нему охранник, подскочил к шефу и придержал носилки. Колдун был в сознании, он внимательно посмотрел девушке в лицо и тихо прошептал:

– Я тебя найду.

По лицу Даны промелькнула горькая усмешка от воспоминания, когда она слышала это в прошлый раз.

Она вздохнула, провела по лицу рукой, разглаживая его. И пошла на кухню искать еды.

Глава 2

– Так ты, значит, обрядница?

– Да, матушка.

Игуменья Марфа, настоятельница монастыря, задумчиво покачала головой.

– А ведь сказали, что всю семью Семеновых волки зарезали неделю тому как, – обернулась игуменья к сестре Анне. – Ведь был слух?

– Так и есть, говорили, что всю семью. Говорили, что скит у них сгорел, они шли на другое место. Заночевали в тайге, а волки их и порезали, – подтвердила монахиня. – Упокой их души, Господи, Как же ты выжила, милая?

– Я... сначала успела запрыгнуть на дерево... Там и сидела, пока волки не ушли.

Лес вокруг монастыря был очень старый и густой. С удобными деревьями. И придумать было просто.

– И ты...?! – Марфа осеклась, и договорила не то, что хотела... – целую неделю потом одна в лесу жила? Ой, бедная деточка... У тебя ведь, поди, и паспорта нет?

Дана на миг застыла в ужасе, потом натужно-неопределённо мотнула головой. Мысли её панически метались.

«Проходка порта... они что, видят, что я... да нет... тогда – причём тут таможенные бумаги?»

– Откуда же у нее паспорт, когда они из леса никогда не выходили? Покойный Игнат, люди говорят, был очень крут нравом. Нам тут в монастыре жить тяжело, а уж как вы там выжидали – только подумать страшно. Ты людей-то других, кроме родителей, еще когда в жизни видела, деточка?

– Видела... немного, – растерянно выдавила Дана.

«Похоже, приняли за отшельницу, которая всю жизнь провела с семьей в лесу. Хорошо пришлось... А паспортом тут, видать, вообще любые подорожные называют. Интересно, сколько у них таможен?»

– И что же ты теперь будешь делать, Дашенька? Нельзя тебе одной жить. Не сможешь ты – это же тайга. Да что я тебе говорю – ты же сама все хорошо знаешь!

– А у вас мне нельзя?

В задумчивой тишине было слышно, как на улице Край знакомиться с местными.

«Как он кого не того... Он ведь боевой. Хотя, судя по скулежу, с собаками он и подраться может по-дружески».

– Так как же ты у нас останешься, деточка! – всплеснула матушка Марфа руками. – У нас же монастырь, а ты – не верующая, да еще, хуже того – язычница. Ты прости нас, милая, мы не от злого сердца так говорим – но нам вера не позволяет с тобой под одной крышей жить.

«Что это у них... за вера такая, что жить рядом – нельзя? Спасать, значит, можно. А ночь под одной крышей – то с верой случится что-то?»

– Что же это у вас вера такая... что боится одной слабой женщины? – Дана решительно встала. – Раз такая страшная, пойду отсель!

Она повернулась и шагнула к двери.

– погоди, девочка! – Анна вскочила и схватила ей за руку. – Ты нас неправильно поняла! Ты многого о нашем мире не знаешь, оно и не удивительно – ты же всю жизнь в лесу прожила. Я не обижаюсь на тебя, это мне, старой, надо было понять, что ты неправильно растолкуешь мои слова. Ты пойми, ты ведь своим богам тут станешь молиться, а у нас это запрещено. Здесь место нашего бога, в которого мы верим. Понимаешь? Вера наша – не слабая, просто... традиции такие, понимаешь? А традиции нарушать нельзя! Ну, как мне тебе объяснить! – всплеснула она в отчаянии руками. – Матушка?

– Я понимаю, – сказала Дана. – А если я пообещаю, что я не буду тут молиться никому? И жить я могу отдельно. Может, есть у вас тут какой-то маленький домик? Поблизости?

Монахини переглянулись.

Обрядники жили в этих местах, почитай, лет уже сорок. Были они страх, как нелюдимы, выходили на глаза раз, может, в году – обменять шкуры на соль, ткани, да еще кое-чего по мелочам. В остальном обходились натуральным хозяйством. О вере их мало чего было известно – молились многим богам. В семье были дети, но старший Семенов их никому не показывал. Поэтому ничего о детях известно не было – ни сколько их, ни какого они пола, ни возраста. А неделю назад охотники принесли слух, что всю семью вырезали волки, дескать, нашли несколько обглоданных трупов на реке, по одежде и обуви определили, что это и были те самые обрядники.

– Эту ночь ты проведешь с нами в гостевой келье. Ты больная еще, куда тебе одной жить, – решительно сказала игуменья Марфа, – а дальше – жизнь покажет.

Дане отвели небольшой домик в монастырском саду. Сестры совместными усилиями приволокли в него топчан, повесили рукомойник, а из соседнего села выпросили каменщика, который за день сварганил из кирпичей и листа железа небольшую печку. На дворе стояло позднее лето, еще немного – и пойдут первые заморозки. Дверь утеплили старым одеялом, закрыв щели проема. Стол и стул дополнили скромный интерьер нового жилья.

– Мы еще циновки на пол свяжем, чтобы снизу не поддувало, а окно будешь на ночь завешивать – так теплее будет, – довольным голосом объясняла матушка Марфа. – И вот что, трапезничать будешь пока с нами, негоже тебе одной здесь все время. Вот так вот.

Игуменья поджала губы и погладила Дану по плечу. На лице доброй старушки девушка увидела сочувствие и понимание, та искренне жалела иноверку, потерявшую всю свою семью.

«В принципе, это не ложь. Я, действительно, иноверка и только что потеряла абсолютно всех».

Сзади тихо подкрался пес и ухватил девушку за руку, слегка придавив ее зубами.

– Край!

Собака радостно завиляла хвостом при виде хозяйки.

– Как твоя лапа, парень? Давай-ка, посмотрим? – и Дана склонилась над животным, проверяя повязку на передней ноге.

– И как вас только угораздило в момент аварии идти вдоль дороги, – вздохнула матушка Марфа, – ведь чуть не убились оба. Ох, бедоси вы мои...

– Матушка, – подняла Дана глаза на игуменью, – моей собаке надо мясо. Она так привыкла – всю жизнь она мясо ест. Как мне его достать?

Дана уже узнала распорядок жизни в монастыре и познакомилась со скромной пищей, которую тут ели каждый день. А ведь еще существовали посты, как ей объяснили, и в это время в монастыре даже не всегда давали растительное масло.

– В деревне всегда можно купить, – в растерянности проговорила матушка, – только это недешево, даже если и курицу только. У сестер-то денег совсем никаких нет, а касса монастырская у нас почти пустая, живем на мирские подаяния, девочка моя. Не знаю, чем тебе в этом помочь. Есть у нас небольшой запас консервов мясных – на случай, если кто занеможет, чтобы мясной бульон сварить, подкормиться...

– Не надо, матушка, – остановила ее Дана, – я все поняла. Значит, в деревне? Сколько туда идти?

– Часа два, если распутия нет, как раз вдоль дороги часть пройдешь, а потом через поле, напрямки... но только пешком мы не ходим – сестры старенькие уже в основном у нас, мы телегу запрягаем. На лошади быстрее в два раза.

– У вас лошадь есть? – удивилась девушка. – Можно посмотреть?

– А ты разве знаешь, как с ней обходиться? Откуда?

– У нас в хозяйстве лошадь была, – не моргнув глазом, соврала Дана, – только потом ее волк... задрал. Но я хорошо умею за ними смотреть!

– Ну, и славно! – обрадовалась матушка Марфа. – Можешь запрягать, когда в деревню соберешься. Только одна не отправляйся – ты тут ничего не знаешь, не приведи, Господи, обидят тебя, незамутненную душу!

«Это я-то незамутнённая душа? Ни разу меня так еще не называли».

– Хорошо, матушка. А сейчас мы с Краем прогуляемся немного, до дороги.

– Не утомляйся только, деточка, пока сильно – не ровен час, заболеешь опять. Иди с Богом!

Игуменя перекрестила Дану и направилась к монастырю. А девушка с собакой отправились в лес, в сторону той самой дороги, с которой у них началось знакомство с новым миром.

Меч она нашла практически сразу – помог Край. Он ближе к месту аварии припустился бежать и громко залаял у куста недалеко от обочины, подзывая свою хозяйку.

– Нашел! Нашел! – сообщал на своем собачьем он радостную новость. – Сюда!

Дана как могла быстро доковыляла до Края и склонилась к земле. В траве валялся разорванный кожаный пояс и меч Хлуда Косы, добытый ею в поединке с магом. Она, задыхаясь от волнения, бросилась к находке и схватила меч обеими руками. Наконец она почувствует себя в безопасности!

На разорванном поясе, пострадавшем еще от взрывов, учиненных Могилой, Дана, к своей радости, обнаружила и верный нож, а также кожаный кошель с несколькими монетами. Открыв кошель, она высыпала монетки на ладонь – немного медяков и пара серебряных монет. Несколько золотых. В ее мире это был весьма неплохой капитал.

«А, тут, возможно, на такие деньги особо не разгуляешься. А может, и вовсе ничего не купить. И вообще, как узнать, какие тут деньги в ходу? И сколько что стоит?»

По пути обратно Дана приглядывалась к растениям, и к своему удивлению, начала узнавать некоторые. Вон, трясучник пышным кустом растет, а там – жабий глаз, и много кукушкиного семени, и даже заметила редкие и сильнодействующие девичьи слезы – из них готовили настойки от многих болезней, но лучше всего они помогали от проблем с пищеварением. Дана начала набирать по паре штук каждого, чтобы показать спросить в монастыре местные названия.

В свое время, проходя обучение в школе магии, Дана подробно изучала травничество. Конечно, практики было маловато – она специализировалась на поисковой магии. Но травничество ей нравилось, преподаватели хвалили ее и даже советовали уходить в лечебную магию. Знания, полученные в школе, никуда не делись – она до сих пор хорошо помнила рецепты отваров и способы изготовления целебных – а иногда и не очень – настоев, технологию извлечения полезных веществ из коры, листьев, корней растений, превращение их в порошки и жидкости.

«Только бы мои познания в этой области не оказались столь же бесполезны, как и магия, которой я столько лет училась»

Вопрос был не острым. Дана предстояло здесь выживать, а это значит – надо было найти свое место. Не будут же ее сестры кормить вечно? Да еще с собакой.

Кстати, вопрос с мясом надо решать быстро. Пес не может сидеть на одной каше. Решено, завтра – в деревню, искать мясо. Какие-то монетки есть, может, этого и хватит. А дальше – видно будет. В конце концов, вокруг растет лес с волками, а значит, должна быть охота.

Зайдя в свой сарайчик, Дана тут же замотала ножны с мечом в половичок, заботливо расстеленный сестрами перед дверью, и спрятала свое сокровище в самый дальний угол сарая. Была бы она дома – наложила бы заклятие невидимости, а тут – без магии как без рук. Приходится прятать самое дорогое таким примитивным способом, словно белка – свои орехи.

«Хотя, что это я! – одернула себя Дана. – Была бы я дома, разве надо было бы мне прятать свой меч?!»

Она присела на жесткий топчан и приуныла. Хорошо, что ее никто сейчас не видит, подумалось девушке. А то потом было бы неловко перед знакомыми за свою слабость. Да и знакомых-то у нее особо и нет, только сестра Анна и матушка Марфа – вот и все ее «окружающие». Ах, да! Еще есть Колдун – властный дядька с замашками вождя, для Даны – вполне знакомый типаж, она на таких начальников еще в своем мире насмотрелась. Колдун пообещал ее найти. Зачем?

Дана встала и походила туда – сюда перед топчаном. А фиг его поймет, зачем. Может, отблагодарить хочет, а может – спросит, зачем это она его от смерти спасла. По своему опыту она знала, что от подобных людей лучше держаться подальше – их благодарности дорого обходятся тем, на кого они обращены. Вроде, и благодарит тебя такой человек, а на деле ты ему сам еще потом будешь должен.

«Может, это он в беспамятстве или от волнения сказал, – подумала девушка, – а потом выздоровеет, да и забудет обо мне».

Ладно, с этим она как-нибудь разберется, придет это Колдун или нет – пока рано об этом волноваться. А вот вопрос – куда она попала? – занимал девушку весьма сильно. Почему Лекс велел ей шагнуть в туман? Он знал, что это выведет ее в другой мир? Но если знал... может... он и сам тут бывал? А что, если...

Дана подскочила с топчана, на который в задумчивости присела, так быстро, что Край от неожиданности подпрыгнул на своем половичке вертикально вверх на всех четырех лапах и тонко залаял – от испуга. Машинально опустив собаке на голову свою руку, чтобы успокоить ее, Дана продолжала лихорадочно додумывать мысль, промелькнувшую только что в ее голове.

А что, если Лекс – сам из этого мира? А ведь это может быть! Магии тут нет – по крайней мере, той, которой владеет Дана. Ножи, вон, какие у них тут! Она видела на кухне в монастыре – одно загляденье, и это – у простых монахинь. И Лекс похожие делал, только не для приготовления пищи, а для военных надобностей, но металл очень похож – Дана в таких вещах толк знает. Так что же, выходит – она в его мир попала или просто вывалилась в неизвестное место и время, и будет тут жить теперь до окончания своих дней?

«Может, поискать этот самый туман и попробовать вернуться к себе, домой?» – мелькнула в голове шальная мысль.

Да где его найдешь, туман этот? Будет он постоянно в одном месте клубиться! Кабы так было, Лекс туда – обратно так бы и шастал, стал бы он в ее мире столько лишений терпеть, если бы была у него такая возможность! Нет, бегать за туманом – глупость, она не будет этим заниматься. И потом...

«Я тебя найду».

Он сказал это Дана в момент их расставания в королевском замке в Этерне. А это значит, что ей надо оставаться на одном месте и верить, что Лекс ее разыщет. Потому что он всегда держит слово.

Глава 3

– Впервые вижу такие деньги, откуда они у тебя? – игуменья Марфа подняла глаза на Дану.

– У моего отца были. Не знаю, где он их нашел, – очередной раз пришлось соврать девушке.

А что еще она могла сказать матушке? Что эти деньги чеканили в монетном дворе короля Дайна Геора Первого? И что подумает о ней монахиня? Хорошо, если спишет все на удар головой, а то и вовсе – решит, что Дана свихнулась. В ее ситуации только и остается, что выкручиваться, обрастая ложью.

– Ты вот что, – немного подумав, посоветовала игуменья, – не говори про отца в деревне. С тобой сестра Анна поедет, она скажет, что эти монеты – из монастыря, прихожане какие-то оставили.

– Так это же... грех? – удивилась Дана.

Про грех она уже знала лучше всего в этом мире. Потому что, с точки зрения сестер, все вокруг, что их окружало, практически, было грехом. Включая и мысли, чувства и даже многие самые безобидные желания. Дана внимательно слушала добрых монашенок, и только удивленно покачивала головой – она поражалась их силе веры.

– Грех будет, если в тайгу народ побежит – искать на месте погоревшего скита оставшееся золото. Тут такие страсти закипят, упаси, Господи. Сразу видно – старые монеты очень, может, царские или иноземные какие-то. Ясно же, что ни ты, ни твоя семья не путешествовали, привезти вы их ниоткуда не могли – не из-за какой угодно границы. Значит – хранили у себя все это время. Странно, что никаких знакомых надписей нет, ни года, ни происхождения. Но, похоже, золото. И две других, – монахиня сильно потерла в руках металлические кружочки, – серебряные. А медяшки – они совсем ничего не стоят, увы, девочка. Об этих красных монетках вообще можешь забыть.

«И на том спасибо! – обрадовалась Дана. – Куплю Краю курицу, ему на какое-то время хватит. А там и до леса, наконец, доберусь!»

– Народ в деревне небогатый, ты золотые монетки припрячь пока, – посоветовала матушка Марфа, – на две серебряных вполне можно пару-тройку кур обменять. Твоей собачке пока хватит. А дальше – Бог подаст.

«Ага, особенно мне. Так прям и отвалит мне на собачку по курице в день. Кушайте, не обляпайтесь».

Нет уж, вопрос кормежки Края она возьмет в свои руки. Вот только нога заживет еще немного, и Дана сразу же отправится в лес.

У нее, к сожалению, не было лука или самострела, и без него охота выглядела малоперспективно. К самострелу, который тогда привез им Лекс, она привыкла очень быстро и даже научилась неплохо с ним обращаться. Так что охота могла бы оказаться весьма перспективным занятием! Увы... ничего такого не имелось...

Но зато весьма обнадеживали слова сестер о лечебных травах. Монастырь весь год занимался изготовлением лекарственных сборов, а когда получалось – настоек. Их охотно покупали в деревнях в округе, кое-что даже удавалось сдать в окрестные города. Паломники, которых было не так много, как хотелось бы, тоже с удовольствием приобретали монастырские травы. Места тут были дикими, природа стояла нетронутая, чистые реки, большое растительное разнообразие – все это благоприятно влияло на интерес покупателей к продукции монастыря.

– Сестер молодых, к сожалению, уже у нас немного, – сетовала матушка Марфа, – совсем чуток изготовить травяных сборов только и можем, да и собрать-то – разве это же получится много? У нас столько работе в огороде, в саду, на кухне... Одних склянок надо сколько! Да и

травы сушить негде – котла у нас нет, а с печным отоплением далеко не уедешь, морозы-то у нас – лютые, сама знаешь. Зимой только и выживаем, не до того нам, деточка.

Дана слушала и кивала головой. До дождей еще месяц – полтора, сказала матушка. А это значит, время у нее еще есть. Если поднапрячься, то можно еще успеть травы засушить. Авось, получится продать какие-то ее снадобья. Ведь ей просто необходимо научиться чем-то зарабатывать! Не идти же ей в телохранители? Кстати, а какое у них жалованье?

* * *

Деревенские даже не обратили внимания на телегу, в которой ехали три монахини из близлежащего монастыря. Телега докатилась до селы, и лошадь привычно встала на знакомой площади около высоких зарослей крапивы. Монахини слезли с телеги и направились к магазину – надо было закупить соли, муки и всяких мелочей для кухни. Последней с телеги слезла молодая послушница в платке, надвинутом на самые глаза. Она проследовала за сестрами в магазин и остановилась позади них, прислушиваясь к разговору.

– А кто это у вас – новенькая сестра, что ли? – заметила Дану крупная румяная торговка за прилавком. – Откуда же взялась такая? Недавно приехала, что ли?

– Это дочь Игната Семенова, из обрядников, – понизив голос, ответила сестра Анна. – Не всех их, оказывается, волки зарезали. Ее, видать, Господь спас, бедную душу. Сейчас у нас пока живет, а как дальше будет – Господь подскажет.

Сестры перекрестились, следом за ними – продавщица, и все посмотрели на Дану. Но она стояла, не шелохнувшись. С какой стати она будет повторять за ними непонятные движения? Если для нее они не имеют никакого смысла, то и времени тратить на это не стоит. А что они там себе по этому поводу думают – это их дело.

– У вас есть курица? – вдруг спросила та самая девушка, о которой только что шла речь.

– Ну, есть, – усмехнулась румяная тетка. – Тебе какую?

На прилавке под прозрачным колпаком лежали подозрительного вида тушки – куры не куры, и не цыплята, какие-то полупрозрачные с синим оттенком трупки.

– Вот эту, – ткнула рукой Дана в самую большую, – сколько стоит?

– А деньги-то у тебя есть, деточка?

– Н-нет, – немного запнувшись, ответила послушница.

– Ну вот, а спрашиваешь! Как же ты покупать-то будешь, коли денег у тебя нет?

– Наташенька, а вот у нас тут есть немного серебра, от паломников, – замямвшись, вдруг произнесла сестра Анна, – курочка нам очень нужна. Не знаешь, кто в деревне нам это серебро на рубли обменял бы?

– Коли так, покажите, сестра, свое богатство! – заинтересовалась продавщица.

Сестра Анна протянула той тяжеленький серебряный кружочек. Та с любопытством посмотрела на металл, потерла его, затем бросила на весы.

– Десять грамм! Однако! Это монетка или что?

– Не знаем, Наташенька, паломники подали, сказали – на богоугодные дела. У нас их всего-то две и есть. Матушка Марфа йодом на нее капала – сказала, точно серебро. Без обмана.

– А ну, погодите, сестры, я мигом! – бросила из-за прилавка тетка, поправила свой передник и скрылась за занавесками.

– Вот что, – быстро вернувшись, сказала Наташа, – зайдите к Волосюку, в третьей избе от магазина он живет. Он мужик зажиточный, наверняка поменяет вам серебро. А мне оно ни к чему – стоит оно немного, но у меня и того нет. А получите деньги – приходите за курочкой, я вам самую лучшую свешаю.

Волосюк смерил сестру Анну и Дану хмурым взглядом. Дверь в дом приоткрыл ровно настолько, чтобы самому выйти, но что там внутри – ничего не разобрать.

– Что надо?

– Нам бы серебро обменять, продукты хотим купить для монастыря, – пояснила монахиня. – У нас немного, двадцать грамм всего, но деньги очень нужны.

– Серебро? Зачем мне? – мужик сделал движение захлопнуть дверь.

– Нам очень нужны деньги, это на богоугодные дела! – вдруг звонким голосом произнесла Дана. – Вам воздастся!

Так всегда говорили священники в ее мире, когда просили денег у прихожан. Вряд ли схема воздействия на верующих как-то принципиально здесь отличается.

Краем глаза она увидела удивленное лицо сестры Анны – та, видимо, впервые услышала так много слов за один раз от молчаливой до сего момента обрядницы.

– Ладно, – буркнул мужик, – заходите в светелку. Да потише, у меня внук болеет.

В комнате гости выложили на стол два кружочка серебра.

– Здесь двадцать грамм. А нам очень нужно кое-чего купить.

– Идет, – кивнул головой Волосюк. – Сейчас деньги принесу.

Он вышел из комнаты, оставив гостей в одиночестве. В наступившей тишине Дана услышала тяжелое дыхание ребенка за стеной. Она развернулась и шагнула к двери, ведущей в спальню. Слегка толкнув ее, девушка увидела кровать, на которой сидела молодая женщина и обнимала малыша лет четырех-пяти, мечущегося в жару.

– Что с ним?

– Не знает никто, врач говорит, инфекция, – жалобным голосом зашептала женщина, – никакие лекарства не помогают! Уже и в больнице были, а жар так шпарит, горит мой ребенок... Ой, горе, мне, горе! – заплакала молоденькая мамаша, уткнувшись в горячее тельце сына.

Ребенок закапризничал и начал вырываться из рук матери.

– Можно?

– Конечно, благословите его, матушка! – с надеждой обратилась к Дане мать.

– Я не монахиня, – покачала та головой, беря ребенка за руку. – Я только травы ведаю...

Маленькая лапка вся горела огнем. В груди ребенка бушевал огненный вулкан – вихрь раскручивался так сильно, что еще немного – сердечко, казалось, сгорит в его жару.

Дана нахмурилась – болезнь сидела глубоко внутри, там, где воздух соединился с кровью и окрашивал ее в алый цвет. Чернота от заразы уже начинала расплзаться шире, грозя перекрыть ребенку доступ к воздуху.

«Почему же здешние целители ничего не видят? – удивилась про себя Дана, отпуская руку мальчика. – Ведь ясно же, что они многое умеют!»

– Все в руках Божьих, – произнесла Дана фразу, которую часто слышала от сестер.

Она выскользнула обратно в горницу, как раз в тот момент, когда туда же зашел хозяин дома. Он молча протянул сестре Анне какие-то бумажки, при этом, пристально глядя в сторону Даны.

– Вот, хватит вам на несколько кур.

– Благослови тебя Господь, – кивнула в знак благодарности сестра Анна. – Пойдем, Дашенька...

– Постойте, – неожиданно сказал мужик. – Если вам так нужны деньги, я бы купил у вас вот этот нож.

Он кивнул головой на пояс Даны – у обрядницы на зачиненном в монастыре широком кожаном поясе висел солидный нож в удобных ножнах.

– Я хорошо заплачу – такой нож немало стоит, – добавил Волосюк. – Ну, что?

– Нож не продается, – спокойно ответила Дана. – Спасибо за деньги, нам этого хватит.

– Как хотите, – пожал плечами мужик, теряя интерес к посетительницам, – я хотел как лучше.

– Хочешь как лучше – приходи вечером в монастырь.

На эти слова с удивлением обернулись двое – хозяин дома и спутница Даны, сестра Анна.

– Это зачем?

– Попробую вылечить твоего внука. Если успею травы собрать и сделать лекарство – вечером сможете уже его напоить.

– А поможет? – с надеждой на лице метнулся к ней мужик.

– Обещать не могу, но хуже не станет, это точно. Только...

– Что надо, говори? Я все сделаю, один у меня внук, не могу видеть, как он болеет!

– Вино крепкое надо, самое крепкое, какое найдешь.

– Это что за вино такое? – не понял Волосюк, оглядываясь на монахиню. – Самогон, что ль?

Та с удивлением пожала плечами.

– Гореть должно, – пояснила Дана, – достанешь?

– Это она про спирт, – догадалась сестра Анна.

– Господи, да у меня этого добра – залейся! Я тебе хоть бочку принесу!

– Вот бочку и принеси, – подловила его на слове Дана.

У нее столько планов на осень, что бочка крепкого вина или, как он там сказал – спирта? – не помешает.

Мужик яростно закивал головой.

– Еще что?

– Сахару чистого, без примесей чтобы...

Монахиня с хозяином дома удивленно переглядывались, с трудом разбирая, что говорит Дана – какие еще такие примеси?

– ... Слянки чистые разного размера, с пробками, чтобы закупоривались хорошо, пергаменту или бумаги плотной, чистой тоже... Да! Меду, если есть! И процеживать чтобы – ткань чистую мне надо, плотную. Сестра Анна, – обратилась Дана к монахине, – ступка в монастыре есть? А весы? А выпаривать получится?

– Получится, деточка, получится! – покосилась сестра Анна на Волосюка, – у вас ведь найдется самогонный аппарат? У нас телега тут стоит, у магазина...

– Да я... да я прям щас побегу все собирать! – засуетился мужик. – Я потом сразу к вам, в монастырь...

– Сразу – рано, мне еще трав надо успеть набрать и приготовить их. Приедешь раньше – будешь потом под стенами сидеть, ждать. Вечером, сказала же.

– Ага, понял. Ты, это... если хоть даже просто попробуешь ему помочь – я тебе по гроб жизни буду благодарен, ты это... звать-то тебя как? – вдруг вспомнил дядька.

– Даной, – коротко ответила девушка и вышла на улицу.

* * *

Край облизнулся и счастливо повил хвостом. Кусок куриной грудки пес не съел – всосал в себя, практически не жуя.

– Хорошего понемногу, – покачала головой Дана, вытирая пучком травы свой нож, – еды у нас мало, а кушать хочется постоянно. Придется тебе потерпеть, пока мы не разбогатеем. А теперь – в путь!

Сестры уже забрались в телегу, надо возвращаться. По дороге она сойдет и поищет нужные растения – кое-что она уже видела, когда ходила искать свой меч. Повезет – наберет полный список, и тогда к вечеру сделает первую настойку.

«Времени, конечно, маловато, – озабоченно думала девушка, трясясь на каждой кочке по дороге в монастырь, – приличную вытяжку надо как минимум дня три делать, а то и месяц. Но ребенок очень плох, надо рискнуть».

Не доезжая до монастыря, Дана рассталась с сестрами, предварительно договорившись, что они подготовят ей место для работы на кухне к тому моменту, когда она вернется.

Слово свое она сдержала не сполна – первую вытяжку удалось сделать только ближе к ночи. Да и то только потому, что в монастыре был очень эффективный очаг – можно было регулировать огонь по своему желанию. Сестры сказали, что таким огнем они пользуются редко – потому что дорого, а чаще готовят в печи, но ради лекарства разрешили Дане потратить драгоценное топливо. Игуменья Марфа и еще другие сестры периодически заглядывали к Дане справиться – не надо ли помощи? Та молча мотала головой и опять занималась подсчетами, что-то толкла в ступке, мелко резала ножом корешки, отмеряла спирт, отсыпала сахар.

А затем пришло время позвать на помощь монахинь. Самогонный аппарат водружали молча, быстро и торжественно – сестры в этом деле разбирались неплохо, хоть и никогда самогонварением не занимались, но для выпаривания сей агрегат использовали в былые времена нередко. Дана молча наблюдала за тем, как создается диковинная конструкция и запоминала подробности. В принципе, у них в аптекарском деле существовало примерно то же самое.

«Значит, не так уж далеко они от нас и ушли», – сделала вывод девушка.

Уже на небе зажглись звезды, когда она, еле живая от усталости, вынесла банку с лекарством в монастырский двор. Мужик немедля подлетел к Дане:

– Готово?

– Вот, этим поить на ночь, а потом утром. Полстакана, не меньше – вливайте, как хотите. Мальчик заснет почти сразу, – предупредила она, – ночью жар спадет, меняйте ему постель, держите в сухости. Понял?

– Понял.

– А этим сейчас разотрите грудь, спину и ножки, – протянула она вторую баночку с какой-то густой жижей. – И ночью можно повторить для верности. Не перепутай банки-то, понял?

– А... а утром что?

– А утром я приду, – коротко ответила Дана. – Ну, иди, времени нет, – она развернулась, чтобы уйти.

– Спасибо тебе... Меня, это... Иваном зовут, – зачем-то представился он, – внука в честь меня назвали, стало быть...

Обрядница даже не обернулась на слова благодарности – молча закрыла за собой тяжелую, старую дверь, оставив растерянного мужчину одного на улице.

«Вот ведьма!» – растерянно пробормотал Иван, потом спохватился и побежал со двора к мотоциклу, на котором прикатил еще часа три назад, почти не надеясь, что эта странная девица, действительно, сделает лекарство для его внука.

Дана стояла за дверью и слышала, как он ее обозвал. Слабая улыбка скользнула по губам уставшей девушки. Когда-то в прошлой жизни, ее называли «госпожа маг», а теперь она поменяла «профессию» – стала ведьмой. Ее карьера развивается или идет вниз?

Глава 4

В деревне Дану уже узнавали – кланялись, начиная издалека, но разговаривать опасались. Возможно, причиной тому были суеверия – язычников в этих местах не привечали, а может, виной тому был огромный нож на поясе обрядницы, с которым она никогда не расставалась.

Единственным, кто не боялся Даны, был четырехлетний Иван, который быстро пошел на поправку после ее лекарств. Семья ребенка не знала, чем отблагодарить девушку – старший Иван совал ей деньги, но Дана перенаправила его к настоятельнице монастыря со словами – что матушка Марфа скажет, пусть тот и сделает. Теперь сестры были обеспечены дровами как минимум до середины зимы.

Пока, хвала небесам, ни в монастыре, ни в деревне никто не болел, и Дана могла заняться сбором трав.

Но кое-что, всё-таки, следовало еще предпринять. Поэтому она поговорила с матушкой, и та съездила навестить в ближайший город настоятеля храма, которого знала уже много лет. А еще через несколько дней к игуменье приехал посетитель от протоиерея Александра и передал вырученные за золото деньги – пятьдесят тысяч рублей.

Кое-что Дана потратила на одежду – впереди была зима, и стоило позаботиться о том, чтобы не замерзнуть в снегу. Раньше она снег никогда не видела, знала, что где-то в Империи на высоких горных пиках снег этот был, но представить себе, что это такое, получалось плохо. Ее это, безусловно, волновало, поскольку окружающие предполагали, что она хорошо знакома с условиями жизни в этой местности. Оставалось надеяться, что снег не так страшен, как, например, Кнут Могила с его магией. Если она Кнута не испугалась, то и снег переживет.

Дана вставала очень рано, как и все в монастыре, и еще затемно выходила в лес, бродила по холмам, лугам, вдоль берегов ручьев – повсюду выискивая травы, кору, корни, листья, плоды и цветы. Возвращалась тоже уже затемно, иногда за день успевая сделать две – три ходки, вечно нагруженная доверху растениями. Рядом всегда бежал верный Край, охраняя свою хозяйку. Так продолжалось недели две. Лето закончилось, и в свои права вступала золотая осень. Дана торопилась – до сезона дождей оставалось совсем немного, а потом, как ей сказали, наступит длинная зима. И эту зиму ей надо будет как-то пережить...

Она еле дотащилась до лестницы с целой связкой страшного на вид лишайника и собиралась уже забираться на чердак жилой части монастыря, где хранилось собранное ей богатство, как в дверях появилась одна из молодых послушниц – сестра Вера – и позвала Дану к игуменье.

– А что за срочность такая? – удивилась Дана, пытаясь снять с тебя слои паутины и вытряхнуть сухие листья из волос.

– Матушка сказала – срочно! Как только придет! – передала слова игуменьи сестра Вера. – Иди уже!

Связка лишайника выглядела так заманчиво и многообещающе, что Дане с трудом удалось с ней расстаться. Аккуратно сложив свое богатство в углу у лестницы – как бы сестры не выкинули сгоряча! – Дана, потеряв надежду привести себя в порядок, помчалась к матери Марфе.

– Звали, матушка? – заглянула в кабинет настоятельницы девушка.

И застыла. На стуле перед игуменьей сидел... Колдун. Тот самый Петрович, который чуть не испустил дух в трапезной монастыря, когда случилась авария. Дана не испугалась, просто вид гостя напомнил ей тот день, когда она потеряла все в своей жизни.

Видимо, она сильно побледнела, потому что гость вместо приветствия произнес:

– Не бойся меня!

Дана бросила взгляд в сторону от стола – два бугая, Леха и какой-то еще новый – сидели на шатких монастырских стульчиках неподалеку от своего патрона и бдительно следили, чтобы с ним ничего не произошло.

«Как будто мать Марфа может что-то ему сделать, – презрительно усмехнулась про себя Дана, – устроили тут представление, тоже мне, охранники! Лучше бы в коридоре ждали, у дверей, и то пользы было бы больше».

– А я и не боюсь, – взяв себя в руки после нахлынувших на нее эмоций, спокойно ответила Дана. – Чего мне тебя бояться?

– А ты смелая! – оценил ее ответ Колдун.

– Не жалуюсь.

В кабинете возникла пауза. Игуменя не пыталась «склеить» разговор, лишь с любопытством поглядывала на гостей и свою воспитанницу. Видимо, она считала, что время для активных действий еще не наступило. Колдун (в миру – Александр Петрович) тоже с любопытством смотрел на Дану, и ничего не говорил.

«Я зверушка, что ли, диковинная? – в душе у девушки заворочался гнев. – Долго он так на меня собирается глазеть?»

– Присядь, девочка, – игуменя вдруг показала Дана на свободный стул рядом с собой. – Александр Петрович приехал поблагодарить тебя. И я взяла на себя смелость – думаю, что ты со мной согласишься – попросить, чтобы он оформил тебе паспорт. Надо будет только в поселковый совет съездить, сделать тебе фотографию – остальное он возьмет на себя.

– Хорошо, – на всякий случай сказала Дана. Наличие или отсутствие паспорта ее никак не беспокоило, зато это явно радовало матушку Марфу, а ради нее Дана была готова съездить в поселковый совет.

– Я знала, что ты правильно меня поймешь, – улыбнулась игуменя. – Я схожу к сестрам и велю сделать нам чай.

Игуменя вышла, и Дана осталась один на один, если не считать двух болванчиков у стены, с посетителем.

– Почему тебя зовут Колдуном? – глядя на мужика, вдруг спросила она.

– Заслужил, – усмехнулся тот. – Меня в этих местах хорошо знают. Я тут дело большое имею, но ты, конечно, об этом ничего не слышала, я понимаю. Мне принадлежит несколько золотых рудников здесь – чтобы ты понимала.

На Дану это произвело впечатления – ноль. Да хоть все золотые рудники на свете – ей-то до этого что?

– И что – тяжелая работа? – поинтересовалась она.

– Да как тебе сказать, – удивился Колдун, – не жалуюсь. Но забот хватает. А ты, смотри, тут, при монастыре живешь?

– Так мне больше негде, мой дом сгорел. Я теперь с сестрами. Ты что хотел-то?

– Да тебя увидеть.

– Ну что? Посмотрел? А то мне пора, темно скоро будет, мне надо печь протопить.

– Я вот что – поблагодарить я тебя приехал. Разве не помнишь – я же обещал, что найду тебя.

– Мало ли, кто чего в беспамятстве обещает, – пожалала Дана плечами, – ну, раз так – благодари. Чего время тянуть?

– Ишь ты, гордая ты девица, однако!

– Себе цену знаю, – спокойно ответила Дана. – Ты делай, за чем пришел, а то пойду я, у меня еще собака не кормлена.

– Хорошо, – усмехнулся Колдун. – Вижу, девушка ты, прямо скажем, небогатая. А я – человек не жадный. Подумай, чего ты хочешь?

– Купи мне самострел, – не моргнув глазом, проговорила Дана.

Думать даже не пришлось – самострел был ее самым заветным желанием.

– Чего?!

Мужики у стены даже привстали в удивлении, не менее пораженным выглядел и Колдун.

– Зачем тебе... самострел? Ты в кого из него стрелять собираешься?

– Охотиться буду. В монастыре почти никогда мяса нет, а у меня собака большая. Ей мясо нужно. Купишь?

– Ну... самострела у меня нет, – покачал головой Колдун, – но арбалет я тебе могу достать. Думаю, это то, что ты называешь самострелом. Мяса твоей собаке – это вообще не вопрос, обеспечим... А еще что?

– А остальное у матери Марфы спросите – что она попросит, то и сделайте, – уже привычно сказала Дана, – так я пойду?

– А деньги тебе не нужны? – мужик внимательно посмотрел на девушку.

– Нет, у меня есть деньги, – не моргнув глазом ответила та.

– Откуда ты их взяла? Уж не за это ли получила?

И он аккуратным движением выложил на стол одну из её золотых монет.

– А тебе-то что? Я же ее не украла, а хоть бы и украла – ты того не знаешь. Не твое дело.

– Ошибаешься, девочка, все, что касается золота в этих местах, это мое дело. Особенно, золота такой высокой пробы.

– Ну, раз тебе оно так важно, так и бери себе. Хотя, впрочем, ты уже это, кажется, сделал, – усмехнулась Дана. – У меня больше нет, можешь не беспокоиться. И зря ты сюда охранителей притащил – меня ими не испугать.

Колдун внимательно посмотрел на девчонку перед собой – смелая, острая на язык, уверенная в себе. Огонь-девка! Оно и ясно – всю жизнь в тайге прожила, людей никогда не видела.

– Ты читать-то хоть умеешь?

«Знал бы ты, что я еще умею, не ухмылялся бы тут передо мной», – с горечью подумала Дана.

– Нет, но я и без чтения знала, как тебя с того света вытащить. Так что, если почитать – это не ко мне, извини, я по другой части. Надеюсь, тебе мои услуги больше не понадобятся.

– Так ты от любой болезни вылечить можешь?

– Нет, не от любой. Кровь остановить могу, боль убрать – не навсегда, на время, внутренние болезни, жар, воспаление. Раны глубокие и переломы – не в моей власти, смертные болезни – тоже. Все, что растения лечат, то и я могу.

– А ты, что же, травница?

– Нет, я – ведьма. Ведаю, когда и что с человеком сделать надо, чтобы легче ему стало...

Глава 5

Хренак!

Аж в голове загудело...

Быстро вскакиваю на ноги, выхватываю меч...

Ну!

Ну...

Никого. Во всяком случае – поблизости. А ведь Могила где-то тут рядом быть должен! Не мог он далеко отойти, я ведь почти сразу же за ним скакнул.

Вот именно – почти! Пока ещё Ларсу всё объяснил...

Кстати, а он-то где?

Вот он!

Ларс, слава Богу, оказался рядом. Но в совершенно очумевшем состоянии, так что пришлось некоторое время потратить на то, чтобы привести его в чувство.

– Мастер! Где мы?

– Хотел бы я это и сам знать... – не прекращая разговора, осматриваюсь по сторонам. – То, что мы с тобой ухнули неведомо куда – это я уже понял. В расщелине на вершине горы попросту не может течь немаленький ручей – а он тут есть! Да и тумана никакого здесь не имеется. Значит, нас зашвырнуло в какие-то неизвестные края...

– Почему? Может, просто к подножью холма скинуло...

– Ага! У нас там, если помнишь, жаркое лето во всю мощь шуровало. А тут – похоже, что осень! Или конец лета. Да и дождик... он-то откуда взялся?

Действительно, мелкий моросящий дождик, не прекращаясь ни на секунду, вовсю стучал по листьям и по мокрой земле.

Мокрой!

Значит, идёт уже давненько...

– Так! – решительно прерываю раздумья. – Разделяемся! Ориентир – вот эта сосна...

Стоп!

Сосна!

Здесь не растут сосны!

Что-то похожее есть, но – именно, что похожее... пониже и с толстым стволом. А классических земных сосен – высоких и стройных, здесь не имеется.

Вывод?

Вот же оно – дерево, передо мной! Да и не одно оно тут такое имеется...

Отставить выводы! Пока – ищем! И всё равно, где... главное – найти Дану!

– Короче – вот это дерево. Далее полусотни шагов от него не отходить. Ты всегда должен его видеть. Осматриваешь местность вон там и там. А я – с противоположной стороны. Потом возвращаемся сюда. Понятно?

Ларс кивает. Он уже достаточно в себя пришёл.

– Не шуметь и не орать! Оружие держать наготове! Если что-то или кого-то отыщешь – бегом сюда!

Секунда – и он вытаскивает из ножен свой кинжал. Теперь ему, по статусу, не полагается ножа – вместо него на поясе висит красивый, богато украшенный камнями, парадный кинжал. Парадный-то он парадный... а пырнуть и таким очень даже можно!

Час тщательных поисков никаких результатов не принёс. Ни людей, ни животных... и даже следов никаких. Глушь...

Конкретная такая.

Дорог или тропок тоже не нашли.

Вернувшись к той самой сосне, оставляю напарнику меч, снимаю сапоги и пробую залезть на рядом стоящее дерево. Лазить по соснам, это без подручных-то приспособлений? Нафиг – нафиг... я не циркач... Летать я не обучен, а врачей поблизости точно не имеется.

Так... и что мы имеем?

Дорог я и отсюда не разглядел, а вот какое-то зарево – обнаружилось. На костры не очень похоже – нет дрожи, свойственной пламени, а вот на отблески от... хрен знает, от чего – но вот на это – очень даже машет!

Прикидываю направление... угу, понятно.

– Значит так! – отряхивая одежду от всевозможного мусора, говорю Ларсу. – Идти надо туда!

– А как же госпожа Дана?

– Ну, здесь мы её не обнаружили, так ведь? Уж Край-то – он бы точно нас унюхал. И залаял – это всенепременно! Но – собаки тут рядом нет. И следов никаких. Ни людей, ни собак – никого!

Парень печально кивает. Он, похоже, и сам давно всё понял... но всё ещё на что-то надеялся...

Ясное дело, что мы в этот день так никуда и не дошли – стемнело.

И во весь рост встал вопрос – а где мы будем спать? Нет, веток-то я мечом быстро нарубил... сложнее оказалось с огнём. Никакие магические фокусы Ларса не работали вообще (что, откровенно говоря, меня совсем не удивило). Странно было бы ожидать иного – это после сосен-то?

Пришлось вспоминать старые, но, тем не менее, хорошо работающие приёмы... и вскоре мы укладывались на ветки около весело потрескивающего огня. А вот плащ у нас только один – и хорошо, что я его не бросил при погоне! Укрылись – и сразу стало уютнее как-то...

Новый день – хмурое утро...

Дождь наконец-то перестал, что сразу поприбавило нам бодрости. Снова дерево – высматриваю сверху путь. Зарева днём, понятное дело, никакого нет, но кое-какие ориентиры никуда не делись – определяюсь по ним.

Река!

Супер!

Это уже намного проще!

Три часа хода – и мы останавливаемся у неширокой, но весьма бурной, реки. Моста нет, да, откровенно говоря, я на это не особо и рассчитывал. А вот идти ли по этому берегу или искать переправу... это вопрос!

Зарево, по моим прикидкам, на том берегу. Но что это такое? Не есть ли смысл на него из-за речки посмотреть? Я ещё помню первую неласковую встречу в покинутом мною мире. Так что чего-то похожего – но уже тут, – постараюсь избежать всеми силами.

Однако, жрать охота...

Пить – чуть проще. Вот она, вода, – под ногами почти что течёт. Фляга есть у Ларса, в ней когда-то было вино... которое мы вчера вечером прикончили. Перед сном. Чтобы унять ворчащие желудки.

Поиски. Добросовестно проверяем кусты – должно же тут что-то расти?

Увы...

Грибов и ягод не нашли, а вот чьё-то гнездо – отыскалось. Пустое – ни яиц, ни птенцов. Другой вопрос, что мой спутник как-то ухитрился подбить камнем его обитателя – небольшую серую птицу.

Стоило ли говорить, что сожрали мы её почти молниеносно – только-только костёр разгореться успел...

И – снова топаем вдоль берега. Лезть в бурную воду как-то неохота.

– Мастер! – внезапно окликает меня Ларс. – Что это?

Это след.

Не ноги и не когтистой лапы. И на медвежьи следы это совсем не похоже.

Хотя... трудно сказать, чему я больше бы в данный момент обрадовался... Может быть, медведь, в некотором, разумеется, роде, оказался бы и более предпочтительным.

Это след гусеницы...

Присаживаюсь на корточки и внимательно разглядываю следы.

Гусеница узкая – не танк! Уже хорошо...

Не настолько узкая, как у всяких прочих бронемашин, но и не здоровенная – почти метровая, как у мощных тракторов. А что тут делать такой технике? Какие для неё задачи в лесу? Был бы тут поблизости рудник...

Скорее всего, что-то среднее... типа «ДТ-75» или чего-то близкого по духу.

Следы старые, давно уже высохли, комочки глины осыпались. Давно машина прошла...

А куда, интересно знать, она тут вообще ехала? К реке – не пошла, свернула вправо. Вдоль берега, стало быть двинулась. И то сказать, тут берег крутоват даже и для трактора! Да и течение... не самое медленное, в таких местах не переправляются.

А вышла откуда?

Следы уходили в сторону леса – туда потопали и мы.

Долго идти не пришлось – за деревьями вскоре мелькнули смутно знакомые очертания. Так... строительные вагончики...

– Ларс, жди меня тут! Вот, возьми мой меч, пусть побудет у тебя. Пока не позову – из кустов ни ногой!

А заодно снимаю и камзол – очень уж он диссонирует с окружающей природой.

Сапоги... ну, они и в Африке – сапоги. Коротковаты для леса, ну и что? Штаны... скорее даже что-то, типа галифе... ну, у всех свои причуды. А вот кольчугу собственного изготовления (предусмотрительно надетую ещё во дворце) лучше убрать под рубаху, меньше будет всяких вопросов.

Придирчиво себя осматриваю. Ну, в общем... и не такие, бывало, персонажи из кустов вываливались.

Кинжал сзади за пояс, рубашкой прикрыть – можно выходить! Так, хоть на человека похож. А то, представьте себе – выходит из лесу персонаж в расшитом камзоле, с золотой цепью на шее (предусмотрительно убранный ныне в карман) – и с нехилым таким мечом! Вот вы, лично, что об этом подумаете?

То-то же! Не станем народ будоражить – проще быть надобно.

Глава 6

Впрочем, все предосторожности оказались излишними – никакого народа тут не имелось вообще. Костровище давно уже напиталось влагой, под брезентовым навесом стояли отсыревшие скамейки и дощатый стол.

Съехали отсюда обитатели.

А вагончики, между прочим, не заперты! Только примитивные щеколды снаружи задвинуты – от зверья, надо полагать, чтобы внутрь не забиралось. Угу... стало быть – не Москва и не Московская область. Там бы уже не то что содержимое вагончиков, а сами строения давно бы уже на запчасти разобрали!

А что у вас, ребята, в рюкзаках? Точнее – в вагончиках?

Немного кускового сахара в стеклянной банке, пачка заварки, пара банок каких-то консервов, кулек с крупой... и спички! Аж три коробка – живём!

Ну, всякие там ложки-вилки-тарелки – за это вообще молчу. В достатке всё это тут имеется, нам столько и не нужно.

Вещмешок! Не Бог весть что – но нам мордой воротить не с чего.

Ватник... хм... это вместо королевского-то одеяния? А неча нос задирать – где тут твоё королевство?

Резиновые сапоги – тоже пойдёт! И понеслось...

– Переодевайся! – ставлю сапоги перед своим спутником. Он сейчас занят – изобретает нам перекус, с сомнением пробуя гречневую кашу. А вот рыбные консервы он сразу высоко оценил! Только губами почмокал в восхищении.

– М-м-м... – Ларс с сомнением смотрит на ободранную куртку. – Это точно лучше, чем то, что надето на нас сейчас?

– В данной ситуации – это гораздо привычнее для местных обитателей. Мы, по крайней мере, не будем особо выделяться среди них. Поверь, это не всегда хорошо – быть не таким, как все. А вот в этот заплечный мешок сложишь свою одежду.

Там уже лежит мой камзол и штаны с сапогами. А вот меч туда уже не влезет, придётся его в кусок брезента заворачивать. Хорошо, что тут верёвки отыскались, есть чем свёрток перевязать.

А вот теперь задумаемся – что делать? Какое-то поселение тут точно поблизости есть. Ибо трактор на большие расстояния своим ходом не погонят. Вопрос – идём туда? Или ночуем здесь – благо крыша над головою имеется?

Свои плюсы и минусы точно есть в обоих случаях.

Придти в посёлок мы можем и затемно – и куда там деваться? Ведь как долго топать, мы пока не знаем. Да и Ларсу надобно кое-что рассказать об этом мире – не попал бы парень впросак!

Решено – остаёмся!

Для начала мы нарубили дров – топор нашёлся в одном из вагончиков. И затопили печку-буржуйку, чтобы было бы комфортнее спать.

Усевшись на нары (они тут по обе стороны от печки расположены) поясняю спутнику некоторые особенности данного мира.

А в том, что это именно *мой* мир, я уже ни секунды не сомневаюсь.

Ибо прочитал на банке с консервами дату выпуска и наименование завода – Калининградский рыбокомбинат.

Сидели долго. Ларс очень многого не понимал, постоянно переспрашивая. Много из того, что я ему рассказывал, им вообще воспринималось с большим трудом.

Однако ж, и спать уже пора!

В тепле, да под крышей жизнь совсем иначе, чем под плащом в мокром лесу. Есть, знаете ли, разница. Так что, выпались, и очень даже неплохо.

Поутру – чай, остатки гречки. И сил уже поприбавилось. Чай, кстати, спутника моего весьма удивил. Ничего похожего в покинутом нами мире не водилось. Удивил, и очень даже понравился. Так что, пачка перекочевала в вещмешок. Попутно, поясняя ему, откуда в оставленном вроде бы доме взялись запасы продовольствия.

– Тут традиция такая. Уходишь из дома – оставь чуток припасов тому, кто может прийти после тебя. Он, может, голодный и уставший придёт – где ему чего взять? А тут – вот оно, лежит. Вот и легче человеку стало! Нам бы, по уму, тоже что-то бы после себя оставить. Да ничего с собою нет...

Лес, кстати, тоже подсох, идти стало гораздо приятнее. Лукаво не мудрствуя, топаем по следам трактора – они куда-нибудь точно выведут.

Так и оказалось – вышли мы к броду. Река тут была пошире, течение уже не такое быстрое. И сквозь прозрачную воду на дне виднелись следы колёс – бродом активно пользовались и сейчас.

Разуваемся и переходим на ту сторону. Явно движемся куда-то в направлении зарева.

Посидели немного на берегу, обсохли (совсем не замочиться не получилось), переобулись – и топаем дальше. Резиновые сапоги Ларсу непривычны, он иногда спотыкается. Но в целом – нормально идём, не шибко быстро, но и не плетёмся.

Гул мотора я услышал издали – и сделал знак Ларсу. Мы заранее условились, что он ни в какие разговоры не встречается, больше молчит, чтобы не ляпнуть что-нибудь невпопад. А всё беседы буду вести я.

Грузовик не вписался в поворот, его занесло, и тяжелая машина съехала в кювет, откуда сейчас и пыталась кое-как выбраться. Столпившись у заднего борта, пассажиры грузовика всячески старались этому помочь – но пока выходило не очень.

– Давай туда! – киваю спутнику и прилаживаюсь поудобнее у борта.

Наша ли помощь пришлась вовремя, или что ещё – но, обдав нас выхлопом, грузовик тяжело перевалился через край кювета и выбрался-таки на твёрдый грунт.

Одобрительно матерясь, народ дружно полез в кузов. Куда, ничуть не комплексуя, тотчас же забрался и я, подтянув оробевшего Ларса за собой.

– Здорово, мужики!

Нестройные голоса отозвались вполне благожелательно, на этом вся процедура знакомства и закончилась. А что тут такого?

Вовремя на помощь пришёл, подтолкнул машину, ручки не забоявшись замарать – стало быть, свой.

Поселок... ну, примерно такое я тут и ожидал увидеть. Две основные улицы, типа, центральные. Вокруг них, надо полагать, вся жизнь и сосредоточена.

Грузовик тормознул около двухэтажного здания с вывеской – «гостиница «Салют»». Охреносоветь... гостиница, ишь!

Вместе со всеми вместе мы и ввалились в просторное помещение первого этажа, где народ тотчас же куда-то и рассосался. Плюс в том, что вошли мы со всеми вместе, а стало быть, сидящий на входе дядька в очках (надо думать, кто-то, типа, вахтёра) видел то, что мы все пёрли одной толпой. А раз так – то наша личность дополнительного подтверждения не требует.

Уже хорошо!

Определяю Ларса на диванчик в углу.

– Тут и сиди! Никуда не отходи и ни с кем не разговаривай! Сделай вид, что устал и спишь. А я тут кое-что посмотрю.

Сваливаю рядом с ним вещмешок, а завернутый в кусок брезента меч сую за спинку дивана, к стене – так спокойнее будет.

Выйдя на улицу, повнимательнее присматриваюсь к вывеске.

Ага!

«Муниципальное образование Аничкино». Эх, куда занесло – аж, в Сибирь! Ну, теперь, кое-что понятно. И что делать, уже примерно соображаю.

– Вот! – выкладываю на стол золотую монету. – Чистое золото! Из Кореи в своё время привёз, дочь удивить хотел. Эх! Было время...

Мои собеседники с интересом её рассматривают, даже и на зуб пробуют. Впрочем, зубом проверка не ограничивается. Один достаёт из внутреннего кармана пузырёк с какой-то жидкостью и капает на монету.

– Хм... золотая, да... Что хочешь?

– Дык, продать, ясен пень! Деньги нужны!

– Ещё что есть?

– Откель? Я что, сильно похож на подпольного миллионера?

– Ну... много не дам.

– Понимаю! Так я и не претендую особо-то.

– С кем, говоришь, приехал?

– Да, с бригадой Витьки Носастого – часа два, как машина зашла. Парни-то, поди, пока отсыпаются. Умаялись.

– Видели их грузовик, – подаёт голос один из собеседников. – И впрямь – у «Салюта» стоит.

– Ладно, – кивает старший. – Короче!

Монета брякает о чашечку портативных электронных весов – у него в кармане и такое есть!

– Тридцать грамм. Угу. Ну... двадцать тысяч дам.

– Добавить бы.

– Ладно – двадцать две! И всё!

Он отсчитывает купюры, кладёт на стол.

– В расчете!

От предложения вспрыснуть сделку вежливо уклоняюсь – мол, пацанам задолжал, надобно скорее долг отдать!

Знаю я, к чему такие возлияния приводят.

Подпоить и обчистить – могут запросто. И никто не виноват – сам же пил! Надеюсь, за такую сумму по башке бить не станут.

Выйдя на улицу, честно отдаю тысячу мужичку, что меня сюда привёл – заработал! Всё это время он терпеливо ожидал меня снаружи. И тотчас же сворачиваю в узкий переулочек – необязательно ему знать, куда и зачем я пошёл.

Обошлось, никто не стал марать руки за такие незначительные деньги. Вот, если бы я весь кошелек на стол вывернул – имелся бы неслабый шанс никуда отсюда уже и не уйти. А так просто нагрели меня вдвое, как минимум – но и хрен с ними.

А выныриваю я из предвечерних сумерек уже около почты – есть тут и такое заведение.

И в нём есть телефон!

В трубке пропищали гудки вызова...

– Да?

– Михалыч? Горохов говорит.

- Опа-здрасьте?! Алекс? Ты куда пропал?
- Долгая песня... Расскажу, как увидимся.
- Да уж, всенепременно! Ты где сейчас?
- Ржать будешь – недалеко от тебя. Ну... верст с восьмьсот... Помощь твоя нужна.
- Колись!

Через пару минут, расплатившись с миловидной девушкой, которая сидела за стойкой почтового отделения, выходу на улицу. Так, жизнь уже веселее!

Михалыч, в некотором роде, коллега – тоже кузнец. И знатный! Обитает он в Иркутске и встречаемся мы с ним нечасто – на всяких там совместных мероприятиях. Сидим вечерами, за кружкой пива обсуждая всяческие новости.

Сидели...ну, посмотрим, всё ещё может быть!

А сейчас он может очень даже нехило мне помочь!

Глава 7

– И как это у тебя, Кнут, так получается с ними договариваться?

За посетителями, которые поначалу были настроены весьма агрессивно, а под конец встречи вели себя тише воды, только что закрылась дверь, и Могила, довольный переговорами, откинулся на спинку стула.

– Я слово верное знаю, – осклабился тот. – Оттого мне отказа нет.

– И все тебе подчиняться будут? Что ж, весь мир? – спросил, пораженный услышанным ответом, Костя Алфавит.

Костя был новичком в банде Могила – всего неделю назад он прибил к новому хозяину, и пока обретался у него на последних ролях. Как и положено «шестерке», относился к он к «папе» с подчеркнутым уважением и должным почтением.

– Зачем мне весь мир? – ухмыляется Кнут, откусывая сочный, зрелый помидор. Из которого во все стороны брызжет сок и несколько кровавых капель повисает на черном длинном усе главаря.

Костя услужливо протягивает главарю салфетку, но тот небрежно от неё отмахивается.

– Стар я, чтобы миром править, – лукавит Могила, – да и не по чину мне самому на дело ходить. Мое дело – думать. А такие вои, что я под свою руку собрал, сами принесут мне всё, что ни попрошу.

Алфавит понимающе кивает головой и подкладывает шефу на тарелку закуску – квашеную капустку, огурчики, салца, наполняет ему очередную стопочку.

Могила благосклонно смотрит на суету своего подчиненного, воспринимая ее как должное. В бандитской среде Кнут проявился недавно и начал весьма эффективно расчищать себе «профессиональное» пространство, безжалостно убирая со своего пути конкурентов. Жесткость его поступков поразила даже криминал, и поэтому к новичку вначале приклеилась кличка «Инквизитор». Но когда стало известным и само имя бандита – Кнут Могила – то надобность в погоняле отпала сама собой. Могила – она и в Африке могила. Какие уж тут клички.

– Девку мне пришли, а сам катись, – коротко бросил Алфавиту Кнут. – И смотри чтобы не мешал нам никто!

– А если Авторитет приедет? Он же обещал! Что сказать-то, Кнут? – заволновался Костя.

Авторитет был мужиком нетерпеливым, не дай бог, попасться ему под горячую руку. Ну, как такому сказать – подожди? Проблема, однако!

– Откуда ты знаешь? – сварливо поинтересовался Могила. – Что он приедет скоро?

– Так... позвонил он мне, – растерялся Алфавит.

А что еще сказать-то?

Странное дело, но Могила терпеть не мог никаких технических устройств вокруг себя. От телефона шарахался, как прокаженный. Телевизор, баят, пополам однажды ятаганом рассек. Может, врут, конечно, но на пахана это похоже. Как увидит что непонятное – так в буйство приходит, крушит все вокруг! Да кричит еще слова незнакомые, будто заклинания выводит. Аж страшно становится. Хотя, с Могилой рядом всегда страшно. Но Алфавит уже почти привык.

Эту странность – впадать в ярость при виде непонятных вещей, – Могила за собой знал, для того нанял в банду специального человека, чтобы тот деньгам счет вел, записи всякие делал и, значит, общался с внешним миром вместо Кнута. Звали этого человека – Гриша Бухучет. Счетоводом он был, может, и не самым компетентным, но маньяком оказался знатным – душил студентов своего училища в течение нескольких лет, пока на его след не вышли полицейские. И тогда Гриша «залег на дно». Уж сколько людей Костя приводил Могиле «на поговорить», но

Кнут почему-то запал только на Бухучета, и сразу взял того к себе приближенным человеком, вроде секретаря.

Совсем иное дело – Сеня Авторитет. Тот парень был видный, за ним столько дел водилось – менты ноги сбили, пытаясь его поймать. Авторитет был мужиком умным и жестоким. Народ баил, что кровищи на его руках – немеряно. И как это Могиле, совсем недавно появившемуся в этих краях, удалось прижать Сеню?

«Видать, и правда, слово есть заветное, что его даже отпетые мерзавцы слушаются», – подумал Алфавит и тихо выскользнул из комнаты.

– Девку не забудь! – понеслось ему вслед.

«Где я ему столько девок наберу-то? Он же их уродует через одну. От нас тут все проститутки скоро разбегутся – ни за какие деньги уже не хотят к Могиле ходить! И что он так на них взъелся-то? – растерянно и обеспокоено думал Алфавит, направляясь на нижний этаж дома, в котором ныне обреталась банда. – Вон, с упырями какими слово общее находит – они его как дети малые слушаются, а с бабами – ну никак! Орут, визжат, ругаются, плачут... Намедни двух, вон, закопать пришлось – горячая рука у Кнута, ох, горячая...»

* * *

Кнут лениво развалился на постели и, едва прикрывшись простыней. Он с благодушием наблюдал, как девка одевается, игриво поглядывая на своего партнера. Впервые у Могилы сложилась любовь по обоюдному согласию. И хотя окружающие наверняка думали, что жестокость Кнута – это его натура, но всё было сложнее. Он, конечно, терпеть не мог неповиновения – в любой форме. В его мире повелевать людьми получалось просто, особенно женщинами. Могила был магом высшей касты, его могущество было очевидным окружающим – и спорщиков вокруг почему-то не находилось. Народ либо отваливал в сторону, либо подчинялся. Но если дело можно было уладить полюбовно – то почему бы и нет? Особенно в таких делах, как постельные. Но так было там...

А тут... странный мир. Когда он попал сюда, таща за шкуру своего напарника, то не сразу понял, что его магия здесь не работает. Вернее – никакая магия не работает. Ее тут попросту нет. Первые часы Кнут был парализован страхом – в новом мире он оказался почти безоружен. Ну, меч-то его при нем, конечно, был. А также парочка ножей, по своим размерам лишь немного не дотягивающим до настоящего меча. И деньжонки имелись – Кнут всегда имел при себе несколько золотых и серебряных монет. Но, все же, когда ты всю жизнь привык быть защищенным со всех сторон силами, которые сам и контролируешь, понятно, что пара ножей и меч – это не совсем то, чего ты ожидаешь...

Они тогда оказались на берегу какой-то неизвестной реки. Это теперь он знает ее название – Витим, и что река находится в Иркутской области, а тогда он понятия не имел, куда их занесло. Впрочем, он и сейчас не очень хорошо представлял себе географию нового мира. Знал, что он большой – и все.

Вдали виднелся какой-то небольшой поселок. Как позже оказалось – там, в основном жили старатели, которые добывали золото. Могила и его напарник – верзила Идас – тогда два дня скрывались в лесу, наблюдая за людьми, пока Кнут не улучил момент, и не залез в один из домов, когда хозяева вышли на смену. Могиле удалось украсть немного еды и какую-то странную одежду, но выбирать не приходилось – ночевать в лесу было холодно. Они с напарником кое-как переоделись, спрятали оружие – но по кинжалу, разумеется, с собой взяли, и отправились в поселок – разведать обстановку.

Двух мрачных мужиков в рюмочной бармен заметил сразу – уж больно странно оба выглядели. Одеты кое-как, вид зашуганный какой-то, как будто мужики с Луны свалились, да и по оттенку кожи сразу видно – не местные. А раз так, то и «пощекотать» гастролеров – святое

дело. Кирюха, которого местные меж собой называли попросту – Разбавила, кивнул головой молодому парню у входа. Тот, поняв знак, медленно поднялся и вышел на улицу.

– Что есть-пить будем? – появился у стола своих жертв Разбавила. – Супчика? Мясца? Водочки?

– Тащи все, мы сами разберемся, – буркнул Могила, пошарив глазами по халдею, – и быстро.

– Сию минуту будет сделано.

«Серьезные мужики, – немного опасливо подумал Кирюха. – Как бы шума тут не устроили. Хотя, мне-то что? Не я же им морды чистить буду, я на проценте сижу».

– Кнут, а как мы расплачиваться-то будем? – понизив голос, спросил Идас. – У нас же местных денег нет.

– Золото во всех странах в почете, друг мой, – усмехнулся Могила.

В какой-то мере, бандит был прав. Пришедшая на вызов местная шпана была удивлена тем обстоятельством, что «гастролеры» предложили за обед золото. И это в корне меняло дело. Стараясь вести себя как можно более вызывающе, чтобы напустить на гостей больше страха и почтения, шалопаи, изображая из себя крутых бандитов, под шуточки и прозрачные угрозы отвели чужаков к своему «бригадиру». Поскольку сами такие серьезные вопросы, как золото, решать не имели права.

Кнут с достоинством переступил порог комнаты, за ним зашел напарник. Следом – двое шалопаев, рассчитывавших на приличные комиссионные «за бдительность».

– Ну, здравствуйте, люди добрые, – кивнул вошедшим дядька Ацетон.

Эта кликуха прилипла к нему еще в молодости, когда он, за неимением наркоты, нюхал все подряд в попытках словить кайф. Ацетон отвечал перед братвой за порядок в подведомственной ему территории и дело свое знал четко.

Рядом с Ацетоном развалился Сеня Авторитет, а за спиной уголовников стояла еще одна мутная личность с картинной галереей на своем теле – вся в наколках. С другой стороны от Ацетона сидела нагловатого вида девица и беззастенчиво пялилась на гостей.

– Кто такие? Зачем в наши края пожаловали? – продолжал вопрошать Гена Ацетон. – Говорить будете? Или вас уговаривать придется?

Кнут усмехнулся, оглядываясь вокруг себя. Их с Идасом – двое, а противников – пятеро, женщину Могила в расчет не брал – это не тот случай, когда стоит волноваться. Тем не менее, численный расклад не в их пользу. Но для таких опытных бойцов, как они, шансы на победу достаточно высокие.

«Надо их ещё повесить», – решил Кнут.

– Эти двое шутов сзади – твои люди?

Ацетон перевел взгляд на шпану. Те вальяжно облокотились о дверные косяки и ухмылялись – «во, мол, мужик дает! Ему тут крупные неприятности светят, а он еще и выпендривается!»

– Ну, мои. А в чем дело?

– Серьезные люди?

– А! – махнул небрежно рукой Ацетон, – на посылках у меня бегают...

– Больше не бегают, – продолжил за собеседником Кнут, лениво вытирая кровь с ножа о штанину брюк одного из «побегушников». – Поговорим?

В комнате даже никто не понял, что произошло. Просто в какой-то момент два незнакомца сделали синхронные неуловимые движения, и два тела сзади, тихо хрюкнув, стали медленно сползать вниз.

– Всем сидеть, – спокойно сказал Кнут. – Кто дернется – умрет тотчас же.

Дернулся, на самом деле, только один, вернее, одна – женщина Ацетона. Остальные просто замерли и, не отрываясь, смотрели на Могила. Они словно не замечали истерики девицы,

которая сначала принялась кричать, затем закрыла лицо руками и завывала. Короткий бросок ножа – и вой прекратился. Девка тихо сползла под стол, и в комнате восстановилась тишина.

– А вот теперь – поговорим.

И он присел за другой край стола.

Могиле понадобился еще не день и не два, чтобы заметить, осознать и научиться пользоваться своими новыми способностями. Да, он потерял возможность убивать заклинаниями, но обрел нечто не менее ценное – способность подчинять себе людей. Как этот дар действовал, Кнут поначалу не понимал. И хотя он до сих пор до конца не разобрался в тонкостях его использования, но одно знал точно – перед ним оказывались бессильны люди, на чьих руках была кровь безвинных жертв. После разговора с ним у них уже не возникало никаких агрессивных мыслей в его отношении – напротив, они становились верными и преданными союзниками бывшего мага.

Как же ему повезло, что он попал именно сюда, на территорию самого богатого золотом прииска страны – здесь был просто рай для таких, как Могила. Тут собирались и действовали многочисленные криминальные группировки, возникали там и сям воровские притоны, расцветал теневой бизнес.

Многое из того, что рассказывал Кнуту Бухучет, тот не понимал – история этого мира была долгой и очень запутанной. Прошлое, из того, что рассказал секретарь, не сильно отличалось от его собственного мира, на будущее Могиле было и вовсе наплевать, а настоящее выглядело малопонятным. Особенно та часть, которая касалась бесчисленных машин и каких-то таинственных волн, которые нельзя увидеть, но с помощью которых можно передать звук, изображение... Это как? Могила чуть голову не свернул, пытаясь осознать, но потом бросил. В конце концов, в его мире тоже есть много непонятного, окажись тот же самый Бухучет сейчас там – он бы дар речи потерял, увидев магию Могилы.

Непонятым и непостижимым остались для Кнута и все рассуждения секретаря о якобы справедливости для всех, и каких-то – вот бы ещё вспомнить! – общечеловеческих ценностях и прочей бессмыслице. Это Могила даже слушать не стал – велел Бухучету заткнуться и перейти к более важным делам – денежно – вещевым отношениям. Особливо в части золота и оружия.

И вот тут Могила ждал большой облом. Он даже задохнулся от возмущения. Как это – нельзя носить оружие? Что, совсем-совсем? А как же теперь жить?!

Постепенно, слой за слоем, Могила открывал для себя и познавал особенности жизни в мире, куда он попал. Его изощренный ум, стальная воля и уверенность в собственных силах стали заслоном на пути к безумию, которое поджидало бы его, прояви он хоть немного слабости.

Да, это не его мир. Да, он больше не боевой маг. Да, здесь есть свои ограничения. Но, по сути, этот мир не так уж сильно отличается от того, который он оставил. И при правильном подходе к делу еще неизвестно – где он устроится лучше – в мире с магией или тут, рядом с какими-то непонятными радиоволнами...

Проститутка весело напевала какую-то песенку, причесываясь перед зеркалом. В отражении она поймала взгляд Кнута и кокетливо ему улыбнулась.

– А девчонки говорили, что ты крут, а ты – Кнут, – пошутила она, и сама засмеялась своей шутке.

Могила снисходительно ей улыбнулся.

– Завтра еще придешь?

– Приду, – засмущалась девка, – меня, кстати, Анной зовут. Ты б запомнил, что ли?

– Денег тебе Бухучет даст, подойди к нему, – вместо ответа сказал Кнут.

Он немного помолчал, затем спросил:

– Значит, ты меня не боишься?

– А чего тебя бояться? Я когда шла, боялась, а как увидела – сразу во мне что-то перевернулось, я поняла – сладится у нас. А вообще – я не из пугливых. На зоне всякое повидала, меня испугать непросто.

– Так ты, что, осуждена была? – повел Могила бровью. – В тюрьме сидела?

– Ага, – кивнула та, подкрашивая губы помадой, – я ребенка своего в ванне утопила. Дура была, что с меня взять – семнадцать лет...

Глава 6

Колдун оказался человеком слова – дал денег на реконструкцию отопления в монастыре и прислал людей для установки оборудования. Отдельную сумму выделил Дана для ее занятия – сбора трав. А дней через пять к дверям обители подъехал внедорожник, доверху груженный всяким аптечным оборудованием. Замысловатых приборов в поставке не было – Колдун понимал, что Дана в современном оборудовании вряд ли разберется, да и методы у нее, прямо сказать, были «средневековые» – что с отшельницы можно взять?

Благодаря поддержке Александра Петровича задумка Даны становилась все более реальной, и, видя такое дело, игуменья Марфа выделила для травницы специальную комнату в жилом корпусе, разрешив девушке беспрепятственный доступ туда в любое время дня и ночи.

– Мне бы в помощь кого-нибудь из сестер, да помоложе, – попросила Дана матушку Марфу. – Мы сборы травяные будем делать, а Александр Петрович обещал наладить их продажу – у монастыря деньги появятся, это же благое дело! Крышу почините, крыльцо отремонтируете, да на продукты и одежду – разве вам не нужно?

– Да как же я могу, деточка? У нас же, вон, работы сколько! А еще службы... Ни одна сестра не может пропустить – с этим тут строго!

– Так теперь печь топить не надо будет! И еду готовить станет проще. Отопление-то теперь другое, матушка! Вот и освободится для нового дела человек, разве нет?

– А и то, правда! – обрадовалась монахиня.

Что и говорить, выгода монастырю от нового дела, конечно, была великая, и игуменья согласилась – Дана будет помогать сестра Вера по четыре часа в день.

– А если надо будет еще – тогда и поговорим, дитя мое, – напутствовала матушка Марфа обрадованную Дану.

У местных в округе Дана скупилась весь огневец – или женьшень – так тут назывался ценный растительный материал, добыть который считалось большим успехом.

Узнав, что в монастыре охотно покупают лекарственные растения, народ, желая подзаработать копейку, потянулся туда со своим сырьем. Дана не ожидала такого поворота событий, но очень этому обрадовалась – чужими руками запастись на длинную зиму травами было легче, чем все собирать одной.

На чердаке уже повсюду были развешены и разложены связки, пучки и снопы растений, трав. Сушились подозрительного вида грибы, какие-то ягоды, высилась гора лишайников, коры, кучки невзрачного мха и золотого корня.

Первыми пациентами травницы стали, естественно, монахини святой обители. Для пожилых насельниц обители Дана выгнала настойку от давления. Через несколько дней употребления старушки, ранее постоянно испытывавшие недомогание, вдруг взбодрились и чуть ли не побежали в огород, на кухню, на скотный двор.

«Работает», – убедилась про себя Дана.

В обители проживали совсем пожилые монахини, и одна из них – сестра Пелагия, уже давно не вставала с кровати – она страдала сильными суставными болями. Дана сходила в деревню и вытребовала у Волосоюка банку свиного жира, заодно пообещав за это поделиться с ним новым лекарством. Когда мазь была готова, девушка по нескольку раз в день заходила в келью к сестре Пелагии и мазала ей колени, локти, плечи, заворачивала ноги монахини в колючее шерстяное одеяло, и в дополнение ко всему поила ее своими мудренными отварами.

Увидев однажды поутру сестру Пелагию, подметающую монастырские дорожки, игуменья Марфа всплеснула руками и выбежала на улицу, как раз столкнувшись с Даной, заходящей к себе в мастерскую.

– Чудо! Сестра Пелагия! Чудо! Ты встала! – бросилась к монахине матушка Марфа. – Сестры, смотрите, наша сестра Пелагия поднялась!

На крик игуменьи сбежались свободные от работы монахини и стали наперебой обсуждать событие. Все сходились в одном – сестре Пелагии помогла вера, а Господь явил чудо.

«А я тут ни при чем», – сделала философский вывод Дана.

Но ей было не жалко – пусть сестры верят во все, что им важно, главное – лекарство приносит облегчение. И ещё раз она вспомнила добрым словом свои уроки в прошлом. Надо же – пригодилось!

Однако совсем скоро её мастерство подверглось испытанию при более трагических обстоятельствах. Однажды ночью обитатели монастыря были разбужены громкими, и какими-то тревожными звуками – в ворота сильно и беспорядочно колотили. К неурочным посетителям вышла сестра Анна и, выслушав сбивчивый рассказ мужчины, имевшего такой растрёпанный и потерянный вид, какой обычно бывает у застигнутого врасплох большим горем человека, молча направилась к домику Даны – просить помощи.

Край подскочил на своей лежанке и бросился к двери.

– Кто там? – сонным голосом спросила Дана.

Она ужасно устала накануне – весь день провела в лодке, нанятой у местных рыбаков. Один из деревенских сидел на веслах, а Дана вылавливала из ближайшего озера водные растения, которых пока не доставало в её арсенале. Надо было спешить – того и гляди, ударят холода, станет лед... Девушка сильно замерзла, застыла на ветру, а руки покраснели, и вся кожа на них потрескалась. В дополнение ко всему под вечер начался противный холодный дождь – он никак не способствовал хорошему самочувствию и настроению.

– Девочка моя, из деревни за помощью приехали! – услышала из-за двери Дана голос сестры Анны. – Помощь твоя нужна – охотника медведь порвал!

Собраться и захватить все необходимое – дело нескольких минут. И вот она уже залезает на присланную телегу – дорогу всю развезло, и никакой другой транспорт до монастыря бы не добрался – а ей на плечи заботливо набрасывает ветхий пуховый платок сестра Анна. И закрывает сверху толстой, плотной тканью, которая совершенно не боится дождя. Дана хлопает рукой рядом с собой, и под спасительный покров запрыгивает мокрый Край, без собаки она – ни шагу.

– Трогай! – кричит сестра Анна хмурому, расстроенному мужику – вознице.

– С Богом, деточка, – уже вполголоса продолжает она, провожая взглядом удаляющуюся телегу.

Домой Дана вернулась только к вечеру следующего дня, когда прекратился ветер и дождь, и за пострадавшим смогли выслать вертолет. В городе никто не верил, что охотник доживет до эвакуации – после того, как в больницу сообщили о характере ранений, стало ясно, что мужчина – не жилец. И медицинская бригада была очень удивлена, когда, сумев прорваться через грозовой фронт, нашла охотника в тяжелом, но стабильном состоянии.

– Как это ему удалось? Столько времени продержаться? – остолбенел врач при виде раненого.

– За ним местная девушка смотрела, поила его своими травами все время, она и повязки наложила, чтобы кровь остановить! – с благоговением поведала жена пострадавшего.

«И еще руки свои накладывала», – добавила она про себя, но вслух говорить не стала – хватило ума держать язык за зубами.

– А где же она? – оглянулся по сторонам врач.

– А ушла. Как только звук вертолета услышала, поднялась и ушла. В монастырь – она рядом с сестрами живет.

– Монашка, что ли? – покосился с недоверием на молодуху медик. – Травница?

– Нет, – помотала та головой, – не монахиня. Она – обрядница.

- А как это по-нашему?
- Ведьма.

* * *

Дана пристально посмотрела в сторону выпущенного болта – неплохой выстрел. Вон, и учитель одобрительно качает головой.

– Молодец, ловко бьешь, – хвалит Степан.

Когда Колдун прислал в монастырь своего человека, Дана поначалу отнеслась к нему с недоверием – слишком уж молодой. Чему такой научит? А учиться ей надо – самострел, который она попросила в награду, уж слишком сильно отличался от того, что ей раньше показывал Лекс.

Степан выложил перед девушкой несколько разных моделей арбалетов и предложил выбрать подходящую.

– Александр Петрович велел передать, что ты вольна в выборе – что тебе приглянется, то и твое. Сказал – ты ему жизнь спасла, и он у тебя теперь в вечном долгу. Так что, не стесняйся – выбирай!

Увидев ее растерянность, Степан ухмыльнулся и поинтересовался:

– Тебе для какой надобности? Научиться хочешь? Тогда выбери модель для начинающих – вдруг не понравится? Подсказать тебе? Ты, вообще, когда-нибудь пробовала из арбалета стрелять?

Он смерил девушку недоверчивым взглядом – хрупкая такая, одетая во все серое, в платке – ну монашенка и есть, самая натуральная! Зачем ей арбалет сдался?

– Пробовала, – коротко бросила Дана, – только из... другого. Попроще.

– И что? Получалось? – слабая усмешка коснулась губ молодого человека.

Степан был профессиональным тренером и мастером по арбалетному спорту. Несмотря на молодость, опыта преподавания у него уже было достаточно, чтобы понимать – неважно, как клиент выглядит, главное – зачем он хочет научиться стрелять. Поэтому свой скепсис в отношении новой ученицы он постарался скрыть, чтобы не обидеть ее. В конце концов, ему заплатили за уроки авансом, и теперь деньги надо отрабатывать.

– Получалось, – кивнула Дана. – У меня учитель... хороший был.

Голос девушки дрогнул, и она опустила глаза вниз, видимо, чтобы еще раз посмотреть на разложенные перед ней образцы.

– Так какой мне выбрать? На что обратить внимание?

Степан вздохнул и начал инструктаж...

Очередной выстрел, новая пораженная цель. Дана удовлетворенно выдохнула – ну и силища у этого арбалета! А прицел – это, конечно, магия, иначе и не объяснить этот потрясающий эффект приближения. В своем мире у нее в арсенале было такое заклинание – «воздушного глаза» – с помощью которого она могла рассматривать предметы на большом расстоянии. А здесь это заклинание называется по – другому – оптика. Но смысл тот же.

Со слов учителя она поняла, что инстинктивно выбрала, пожалуй, едва ли не самую лучшую модель оружия. Аккуратно и с любовью сделанный арбалет с непонятным обозначением на ложе «П-5». Мастерски сделанный арбалет, с тщательной проработкой деталей, что является отличительной чертой оружия высокого класса. С рычагом зарядания под нижней накладкой направляющей ложи для стрелы, съёмным прикладом, без которого арбалет легко укладывается в небольшую сумку. Скорострельный – она легко могла сделать чуть менее десятка прицельных выстрелов в минуту. Хотя, Степан уверял её, что можно и быстрее. Усилия на тетиве хватало, чтобы зашвырнуть достаточно тяжелый болт аж на сотню шагов – и с прилич-

ной точностью. Тот же учитель легко собрал десяток болтов в стакан, положенный на бок – и это с полусотни шагов! И пообещал, что скоро и она сможет делать точно так же.

– Слушай, я глазам своим поверить не могу – ты моя лучшая ученица за все время! – Степан восхищенно выдыхает признание. – У тебя необыкновенные результаты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.